

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

КОД ОТ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Код от чужой жизни

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грановский А.

Код от чужой жизни / А. Грановский — «Эксмо»,
2015 — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенев)

Профессор-нейрофизиолог Старостин изобрел препарат, способный качественно улучшить мозг человека – многократно усилить память и умственные способности. Но на лабораторию внезапно напали неизвестные! Старостину удалось бежать, прихватив шприц с последним образцом. Чтобы изобретение не попало в руки преследователей, профессор ввел препарат попавшей под его машину незнакомой женщине... Жизнь Риты Суханкиной была хуже некуда: пьющий муж, безработица, беспросветная нищета... Когда муж за гроши продал их квартиру «черным» риелторам, Рита с детьми сбежала в другой город в надежде начать новую жизнь, но там череда неприятностей только продолжилась. Казалось, у Риты не осталось никакого выхода. Но после случайной аварии ее жизнь невероятным образом изменилась...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Грановский А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
1	7
2	11
3	13
4	15
5	17
6	21
7	23
8	26
9	32
10	34
11	37
12	39
13	43
14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгения и Антон Грановские

Код от чужой жизни

© Грановская Е., Грановский А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Рита вскрикнула от боли, схватилась рукой за парапет моста, но пальцы ее соскользнули с холодной гладкой поверхности, и она рухнула на колени. Из носа у нее закапала на асфальт кровь, перед глазами засверкали всполохи.

– Пожалуйста... – прошептала Рита. – Не надо...

– Не сопротивляйтесь, – услышала она голос своего врага. – Этим вы делаете себе только хуже.

От следующего удара она повалилась на асфальт и, сжав голову ладонями, громко застонала. Ей показалось, что в голове у нее что-то взорвалось и череп вот-вот разлетится на куски.

Она с трудом приоткрыла глаза и посмотрела на своего врага. Перед глазами у нее стояла пелена, и сквозь эту пелену она увидела не лицо человека, но морду чудовища с хищным, плотоядным оскалом. Враг шагнул вперед. Сумочка «Гуччи» из крокодиловой кожи хрустнула у него под ногой. Он сделал еще шаг и наступил ботинком на край ее норковой шубки от «Блэкглама».

– Ноль-восемь-один-один... – зашептала она.

Монстр насторожился и отступил на шаг.

– Что вы задумали? – подозрительно спросил он.

– Пять-ноль-три-шесть.

Оглушительный скрежет взорвал тишину зимней ночи...

Часть первая Катастрофа

1

Тремя месяцами ранее

– Стой, пока не нажимай, – сказала Рита Суханкина сыну Лешке, который поднял руку, чтобы нажать на кнопку вызова лифта. – Я почту гляну.

Лешка опустил руку, Рита поставила пакеты на пол и перевела дух. Пакеты выглядели внушительно и громоздко, но ничего особенного в них не было. Пакет дешевого молока, хлеб, две пачки гречки, пачка сахара, полтора килограмма яблок по скидке – вот и все, что удалось Рите купить за триста рублей, которые ей выделил на продукты муж.

– Mamочка, а можно мне яблоко? – попросила шестилетняя Лиза.

– Они немытые, подожди до дома, – сказала Рита.

Лиза покорно вздохнула, а Лешка, который был на три года старше сестры, тут же сунул руку в пакет.

– Я кому сказала! – прикрикнула на него Рита.

Лешка нехотя вынул руку из пакета, а Рита повернулась к почтовым ящикам и открыла гнутую жестяную дверцу с надписью «13». В ящике оказалась пара счетов – за газ и телефон, и еще куча рекламных листов, которые Рита бросила, не глядя, в картонную коробку, стоящую рядом.

– Mam, можно уже? – нетерпеливо спросил Лешка.

– Вызывай.

Лешка нажал на кнопку лифта. Рита закрыла жестяную дверцу почтового ящика и со вздохом взяла пакеты с пола.

Когда они поднялись наверх, Рита сразу почувствовала неладное. Дверь квартиры была приоткрыта, оттуда доносились мужские голоса – бу-бу-бу, бу-бу, бу-бу-бу, тянуло табачным дымом и водочным перегаром.

– Папка опять с друзьями бухает, – мрачно констатировал Лешка.

– Не бухает, а пьет, – поправила Лиза. – Бухает – это грубое слово, да ведь, мама?

Рита, не отвечая, толкнула дверь и первой вошла в прихожую. Лешка и Лиза проскользнули следом за ней.

– Разувайтесь и марш к себе в комнату, – приказала им Рита, поставив пакеты с продуктами на пол.

Лешка глянул на мать волчонком, Лиза вздохнула, но оба не стали перечить. Все трое разулись и скинули куртки. Дождавшись, пока дети уйдут, Лиза прошла в гостиную. Запах перегара и табака удушливой волной ударил ей в лицо.

Муж Коля сидел на обшарпанном диване в компании двух незнакомых мужчин, черно-волосого и лысого. Редкие волосы Коли были всклокочены, лицо – припухшее и пьяное. На хромоногом журнальном столике перед ним выстроились тарелки с закусками и початая литровка водки. Увидев Риту, Коля ослабил щербатые, проникотиненные зубы.

– О, женушка пришла! Садись, Ритуха, выпей с нами!

Рита шагнула в комнату и тут же споткнулась о грудку пустых бутылок из-под водки и пива, валяющуюся на полу. Собутыльники мужа посмотрела на нее с насмешливым любопытством.

– Опять навел в квартиру дружков? – привычно и сокрушенно завела Рита.

Но тут же осеклась, а лицо ее вытянулось от изумления, когда она разглядела закуски, разложенные по тарелкам. Там были красные кружочки копченой колбасы – сочные, в белых прожилках нежного сала, свежие полукружья дорогого мяса – не то буженины, не то... (Рита плохо разбиралась в дорогой еде), в треснувшей стеклянной вазочке, которую Рита много раз собиралась выбросить, лежали, матово мерцающая, черные маслины. Картину дополняли три открытые консервные банки: с крабовым мясом, белорусской тушенкой и одна маленькая, зеленая – с красной икрой.

Сердце женщины испуганно заколотилось, предчувствуя беду.

– Откуда все это? – сипло, с трудом вымолвила Рита.

– Могу себе позволить, – горделиво объявил Коля с глупой, пьяной ухмылкой на губах.

Его собутыльники засмеялись.

– Ритуся, – обратился к ней панибратски черноволосый собутыльник мужа. – Ваш Колян – мужик! Коля, держи пять!

Он выставил ладонь, Коля ее пожал.

– Коля, откуда у тебя деньги? – дрогнувшим голосом спросила Рита.

– Угомонись, – строго сказал муж. – Могу я... – Он икнул. – Могу я пригласить друзей на пару рюмашек?

– Коля, я тебя спросила – откуда деньги на выпивку и закуски?

Коля не ответил, лишь пьяно хмыкнул, а второй его собутыльник, лысый, круглоголовый, со шрамом на лбу, улыбнулся и примирительно сказал:

– Ритусь, не злись на своего мужа. Ну, устроил пирушку. Но ведь он сегодня король!

Рита вскинула к груди неухоженные руки со сломанными ногтями.

– Коля, у нас ведь дети. Прошу тебя...

– Цыц! – громыхнул он кулаком по столу. – Я твой муж. И мне тут решать. Ясно?

– Коля...

– Милая, хватит его пилить, – со смехом сказал черноволосый. – Он мужчина и делает то, что хочет.

– Коля, – снова с мольбой заговорила Рита, – детям нечего есть, а ты тут... устроил. Ты уже четыре месяца нигде не работаешь...

– Хватит меня пилить, – огрызнулся муж.

– Но Коль!

– Заткнись, сказал! – Он яростно глянул на нее. – Праздник портишь, выдра!

Собутыльники мужа засмеялись.

– Молодец, Колян, – похвалил черноволосый. – Так и надо с бабами.

– Да че ты с ней вообще говоришь? – глядя на Риту раздевающим взглядом и криво ухмыльнувшись, поддакнул лысый. – Дай раз в рыло, она и заткнется. Баба должна знать свое место.

– Слышала? – пророкотал муж. – Закрой рот или я тебе врежу! Всю жизнь мне испортила, гадина! – вдруг взбеленился он.

– Я? – изумилась Рита.

– Ты, не я же. Чего уставилась, дура? Фу! – Он скривился. – Рожу твою постную больше видеть не могу.

Лысый взял со стола бутылку.

– Давай, Коля, выпьем за нашу выгодную сделку! – провозгласил он и разлил водку по стаканам.

Мужчины чокнулись стаканами. Коля опрокинул водку в рот, крикнул и заел колбасой, а черноволосый с лысым лишь чуток пригубили и поставили стаканы обратно на стол. Рита это заметила, и сердце ее провалилось в пустоту от сознания того, что происходит что-то страшное и неправильное. Она шагнула к мужу и предостерегающе схватила его за плечо.

– Коля!

Муж резко развернулся и коротко, почти без замаха, ударил ее кулаком по скуле. Рита отшатнулась, но устояла на ногах. Схватила за распухающую щеку и заплакала. Лысый ткнул в ее сторону пальцем и насмешливо сказал:

– Колян, а ты не прав. Может, рожа у нее и постная, но зад классный!

– Таким задом можно торговать! – со смехом поддакнул ему черноволосый.

– Да кто на нее позарится, – со злой усмешкой отозвался Коля.

– А ты дорого не запрашивай! – со смехом сказал черноволосый. – На бутылку водки потянет! А то и на две!

Рита покраснела от стыда и обиды.

– Сволочь же ты! – в сердцах крикнула она мужу. – Твою жену поносят, а ты слушаешь? Глаза Коли сузились.

– Сволочишь меня при друзьях? – прорычал он, пристально, не мигая глядя на жену.

– Ну-ка, Колян, научи ее мужа любить! – подбодрил лысый.

– Давай, Колян, покажи ей, кто в доме хозяин! – поддержал со смехом черноволосый.

Лысый ободрающе хлопнул его по плечу. Коля сидел на диване в некоторой нерешительности, соображая, чего же от него хотят новые друзья.

– Давай-давай! – сказал лысый, глядя на Риту все тем же бесцеремонным и похотливым взглядом. – Мужик ты или нет? Она тебя хочет – посмотри!

– Хочет – аж трясется! – со смехом поддакнул черноволосый.

Коля сидел со слегка растерянным видом, не совсем понимая, чего от него хотят.

– Если ты не можешь, я это сделаю! – продолжал куражиться лысый. – Ну!

Коля встал с дивана, отпихнул ногою край стола и, пошатываясь, двинулся на Риту.

– Коля, ты чего? – Рита, прижимая ладонь к щеке, стала пятиться. – Коля?

– Давай, Колян! – подначивал черноволосый. – Покажи ей, какой ты мужик!

Пятясь от мужа, Рита наткнулась спиной на стену, дальше отступить было некуда. Он шагнул к ней, схватил ее сильной рукой за шею, рывком оттащил от стены и швырнул на пол. А затем шагнул к Рите и пнул ее ногой по ребрам. Она вскрикнула. Он пнул еще. Рита, скорчившись на полу, заплакала. Черноволосый и рыжий переглянулись, затем поднялись с дивана.

– Колян, нам пора, – сказал черноволосый. – Надо уладить формальности.

Оба двинулись к выходу из комнаты.

– Че, уже уходите? – разочарованно проговорил Коля. – Может, еще выпьем?

– Как-нибудь потом, – сказал лысый и, проходя мимо Коли, хлопнул его ладонью по плечу.

– А ты помни – у тебя два дня на то, чтобы съехать, – сказал черноволосый и сунул ему ладонь. – Ну, бывай.

Оба вышли из комнаты. Через несколько секунд дверь в прихожей хлопнула – гости ушли.

– Видишь, дура, че ты сделала, – хмуро, с досадой сказал Рите муж. – А ведь так хорошо сидели!

Рита вытерла ладонью кровь, выступившую под носом, всхлипнула и тихо сказала:

– Коля, почему они сказали, что нам надо съехать?

– Не твое дело, – огрызнулся муж. Он подошел к столику и потянулся за бутылкой.

И вдруг Рита все поняла.

– Это были *те торговцы*? – с ужасом, боясь поверить в свою догадку, проговорила она. – Это были они?

Коля не ответил, лишь плеснул себе водки в стакан. Рука его дрогнула, когда он поднимал стакан, да он уже и сам нетвердо стоял на ногах.

– Сколько они тебе дали? – сипло спросила Рита. – Где деньги?

– Сколько дали – все мое.

Муж выпил. Вытер рот рукавом грязной рубашки.

И вдруг Рита вскочила на ноги, бросилась на мужа и принялась колотить его кулаками по спине.

– Сволочь! Гад! А о нас с детьми ты подумал?!

Муж повернул к Рите небритое, темное от злости лицо – одной пятерней он схватил Ритино запястье, а вторую сжал в кулак и с размаху ударил им Риту в лицо.

Ноги Риты подкосились, она рухнула на ковер и потеряла сознание.

2

Когда Рита пришла в себя, уже стемнело. Открыв глаза, она тихо застонала от боли. Возле ее разбитого лица на пол натекла лужица крови. Постанывая, она медленно поднялась на ноги. Посмотрела на мужа. Тот громко и беззаботно храпел на диване.

Рита неверной походкой подошла к зеркалу, висящему на стене, включила бра и посмотрела на свое отражение. Левый глаз заплыл, на правой щеке темнел синяк, губа распухла, под носом запеклась кровь. Рита повернулась к дивану и посмотрела на мужа. Под его головой вместо подушки лежал пластиковый пакет из магазина «Двушка».

Рита, пошатываясь, подошла к мужу. Протянула руку, взялась за край пакета и потянула его на себя. Пакет не поддавался. Тогда она взяла мужа за реденькие волосы и приподняла его тяжелую, распухшую от пьянства голову, затем снова ухватила пакет и выволокла его из-под мужниной головы.

Потом она заглянула в пакет и почти не удивилась, увидев там деньги. Сотенные, пятидесятирублевые и тысячные бумажки, навскидку тысяч тридцать рублей. Рита подумала, что это, наверное, все деньги, которые муж получил за проданную проходимцам квартиру. У нее заболело сердце и засвербило в душе, а к горлу подкатил комок.

С пакетом в руке Рита прошла в комнату детей. Лешка и Лиза спали на своих кроватях. Лешка – укрывшись с головой, Лиза – разметавшись по кровати, с босыми ногами на подушке.

Рита прошла к кровати дочери и присела на край. Посидела немного молча, пытаясь прийти в себя и придумать, что делать дальше. В голове было пусто до тошноты. И тут Рита кое-что вспомнила. Она положила пакет с деньгами на кровать, затем нагнулась к тумбочке и открыла ящичек. Достала из ящичка несколько потрепанных конвертов. Нашла нужный, вынула из него письмо, прошла по странице взглядом, всхлипнула, вытерла рукою разбитый нос и перечитала конец письма.

«Приезжай падруга! Здесь у нас город большой и есть работа для всех. И для тебя будит, и для твоего Кольки. Хотя он конешно непутейный, но как знать. Ритка я очень по тебе саскучилась. Люблю тебя и ссучаю. Твоя подруга Аля».

Лизка что-то забормотала во сне. Рита прислушалась.

– Папочка, не надо... Милый, не надо... – невнятно бормотала Лиза, а может быть, Рите это только показалось. Дочка зашевелила ногами, пнула Риту маленькой ступней в бедро и перевернулась на другой бок.

Рита снова перечитала письмо, потом еще раз и крепко задумалась. А когда через минуту она вложила письмо обратно в конверт, решение уже было найдено.

Сперва она собрала вещи в большую зеленую сумку, которую когда-то Коля брал на рыбалку, тогда, когда еще был способен на что-либо другое, кроме пьянки.

Разбудить детей оказалось непросто, а проснувшись, они глядели на Риту сонными, ошалелыми глазами, не понимая, зачем она одевает их посреди ночи, Лешка пробовал возражать, но Рита шепотом ругнулась на него, и он замолчал – но не столько от ругани, сколько от этого ее предостерегающего шепота, и от того, что он наконец-то разглядел синяки на лице матери.

– Мамочка, можно мне еще немножечко поспать? – позевывая и протирая кулачками глаза, спросила Лиза.

– Не сейчас, – тихо сказала Рита. – Поспишь в автобусе.

– В каком автобусе? – хмуро спросил Лешка.

– В таком, в каком надо, – сказала Рита. И смягчившись, пояснила: – Мы едем в гости к тете Але. – Рита взяла с кровати пакет с деньгами. – Идемте.

В прихожей она быстро оделась сама, помогла одеться Лизе, Лешка от помощи отказался, недовольно пыхтя и с трудом натягивая курточку на два свитера, которые она заставила его надеть.

– А папу мы не возьмем? – спросила Лиза сонным голосом.

– Пока нет, – сказала Рита. – Потом ему позвоним.

– Когда? – простодушно спросила дочка.

– Когда он выспится. Ты же видела, папка устал.

– Он опять надрался, – сказал Лешка, пытаясь застегнуть края капюшона.

– Не надрался, а немного выпил, – с упреком поправила Лиза. – «Надрался» – это грубое слово, да ведь, мама?

– Да, – сказала Рита.

Она засунула пакет с деньгами в боковой карман зеленой сумки и повернулась к двери.

– Ну, все. Пошли!

Рита открыла дверь, распахнула ее, пропустила детей мимо себя, затем вышла сама и защелкнула за собой замок.

* * *

«Сашенька, я виновата. Но я исправлюсь. Ты видишь, я увезла от него Лизу и Лешку. Ты же это видишь?»

Саша стоял перед ней, тонкий, как веточка, молчаливый и спокойный; белое рассеянное солнце светило у него за спиной, и она не могла разглядеть черт его лица.

«Саша, что же ты молчишь? Я ведь стараюсь. Ты видишь, я стараюсь».

Он еще несколько секунд постоял на месте, потом, так ничего и не сказав, развернулся и пошел от нее, к белому солнцу, и фигурка его с каждым шагом теряла четкость, сливаясь с белым, рассеянным светом, и через несколько секунд полностью слилась с ним. Внутри Риты стала разрастаться тоска, сдавила ей грудь и горло, обложила сердце.

«Саша!» – крикнула Рита.

Автобус подпрыгнул на ухабе, и Рита открыла глаза. Лешка и Лиза смотрели на нее строгими глазами.

– Что случилось? – сипло спросила она.

Лешка молча нахмурился, а Лиза сказала:

– Мама, ты опять разговаривала с Сашей во сне.

– Правда? – Она попыталась улыбнуться, но получилось плохо.

– Ты сказала ему, что ты виновата, – сказал Лешка.

– В том, что он помер, – сказала Лиза.

Рита протерла пальцами глаза, с удивлением обнаружив, что они мокрые от слез. Потом посмотрела на детей и, через силу улыбнувшись, сказала:

– Это был сон. Всего лишь сон.

– Тебе слишком часто снится этот сон, – сказал Лешка.

– Ничего, – вздохнула Рита. – Ничего. Это даже хорошо, что часто.

Лешка нахмурился.

– Алеша боится, что ты любишь нас меньше, чем любила Сашу, – объяснила Лиза.

– Вот еще! – воскликнул Лешка, багровея.

Рита повернулась к окну. Оставшиеся полчаса пути она не спала, а смотрела на проплывающие мимо черные, влажные перелески, поля с жухлой травой и редкие домики, огороженные темным штакетником заборов.

3

Они двинулись по гулкому, наполненному спящими людьми, тускло освещенному зданию автовокзала. Со стороны кафе доносился звон посуды, пахло котлетами и борщом.

– Ма, как вкусно пахнет! – прикрыв глаза и вдыхая воздух, проговорил Лешка.

А Лиза дернула Риту за руку и спросила, оглядывая высокий потолок и длинные серые стены.

– Это что, мам?

– Это автовокзал, – ответила она. И поскорее потащила детей от вкусных запахов еды. – Идемте!

Они пересекли наконец зал и вышли на улицу. Серый утренний воздух, словно бисером, был прошит невидимыми капельками влаги.

Лиза обернулась на здание автовокзала.

– Мам, смотри, как красиво! – восторженно сказала она.

Рита тоже обернулась. С замиранием сердца посмотрела на автовокзал, потом на окружающие площадь большие коричневатые дома, ей стало хорошо и страшно одновременно. В последний раз Рита была в городе лет шесть назад. Казалось, за эти годы здания стали еще выше, а площадь перед автовокзалом еще шире. Быть может, поэтому Рита ощутила себя маленькой и беспомощной, но быстро осадилась себя, вспомнив, что обещала Саше заботиться о младших.

Дом, где жила Аля, находился почти у самого автовокзала. Рита хорошо помнила, как к нему идти, но на дороге построили магазин и разбили вещевого рынок, поэтому ей и детям пришлось немного поплутать. В итоге они вышли к дому Али с другой стороны, но сразу нашли нужный подъезд (третий и слева, и справа). На двери был кодовый замок, но, по счастью, он оказался сломан. Рита и дети вошли в подъезд, пешком поднялись на второй этаж и остановились перед дверью, обшитой темно-коричневым поцарапанным дерматином.

– Мам, а если ее нет дома? – спросил Лешка. – Ты же ей не звонила?

– Она дома, – сказала Рита, думая о том, что сын прав, и удивляясь, как она сама не догадалась позвонить подруге, ведь номер ее телефона был записан на обложке старенького телефонного справочника.

Рита нажала на черную кнопку звонка. Сигнал был резкий и хриплый. Рита невольно отдернула руку. Второй раз звонить не стала, решила просто подождать.

Прошло, наверное, полминуты, но, наконец, замок сухо и тихо щелкнул, и дверь приоткрылась. Рита увидела рослого, коротко стриженного парня в майке и шортах. Она ожидала увидеть Алю, поэтому слегка растерялась.

– Вы кто? – спросил ее парень.

– Я... Рита. Рита Суханкина.

– Поздравляю, – сказал парень. – И чего вам надо?

– Мне бы это... – Рита запнулась, не зная, как сказать, чтобы не раздражать и без того недовольного парня. – Мне бы Алю увидеть, – выговорила она после секундной паузы. – То есть Алевтину. Я ее старая подруга.

– Вижу, что не молодая, – сказал парень с легкой усмешкой. Потом повернулся и крикнул в глубину комнаты: – Насть! Тут какая-то тетка хочет видеть какую-то Алевтину!

Зашлепали босые ноги, и Рита увидела полную девушку, одетую в обтягивающую футболку. Та встала рядом с парнем.

– Здравствуйте! – вежливо сказал ей Рита.

Та оглядела Риту с головы до ног, выдула изо рта пузырь жвачки и лопнула его.

– Мне бы Алевтину увидеть, – сказала Рита. – Я ее подруга. Она здесь?

– Нет, – сказала девушка, окидывая ее подозрительным взглядом.

Рита вежливо улыбнулась.

– А где она?

– В гробу, – сказала девушка и тоже усмехнулась. – Под толстым-толстым слоем земли.

Лицо Риты чуть вытянулось, а в глазах появилось недоумение.

– Чего же вы так шутите? – с упреком сказала она. – Нельзя же так шутить.

– А кто сказал, что я шучу? Я ее племянница. Тетка померла от пневмонии полгода назад, а квартира теперь моя. Есть еще вопросы?

Рита молчала, потрясенная известием. Девушка чуть подалась вперед, вперила в нее взгляд холодных голубых взгляд и вдруг по-кошачьи прошипела:

– Хотела отхапать квартиру? Оpozдала, тетя. Иди гуляй.

Рита попятилась, с ужасом глядя на девушку и парня.

– Что вы... – забормотала она. – Я не хотела...

– Вот и топай. И волосы помой. – Девушка наморщила нос. – От тебя за километр несет

Мухосранском.

Дверь захлопнулась перед носами Риты и детей.

– Мам, пойдем, – сказал Лешка.

Рита не отозвалась. Лиза дернула ее за край куртки:

– Пошли, мам.

Рита всхлипнула.

– Алечка... – пробормотала она. – Как же так?

4

Облачное небо навалилось на Риту всей своей тяжестью, едва она вышла из подъезда. Улица, окружающие дома, деревья, лужи – все казалось черно-белым и каким-то выцветшим, словно обескровленным, как в старом-старом кино. Рита повесила сумку на плечо, взяла детей за руки и потащила их прочь от дома.

– Мам, куда мы идем? – спросила Лиза.

Рита не ответила. Она просто шла вперед, ради того лишь, чтобы хоть куда-то идти, стараясь убежать от горя и тоски и от чувства безысходности, которое охватило ее.

Свернув за угол, они снова увидели автовокзал, но уже с другой стороны. Рита машинально повела детей к автовокзалу – единственному хорошо знакомому ей месту в городе.

Откуда-то сбоку появилась и преградила им дорогу пожилая полная цыганка с неприятным темным лицом.

– Ай, милая, ай, красивая, дай погадаю – всю правду расскажу! – затараторила цыганка.

Рита обошла цыганку стороной и потащила детей дальше. Лиза повернула голову и с любопытством смотрела на цыганку.

– Под ноги гляди! – проворчала на нее Рита.

– Муж твой плохой! – крикнула им вслед цыганка. – Все продал, деньги пропил, вас по миру пустил!

Рита остановилась – как на невидимую стену наткнулась.

– Ты с детьми уехала, мужу не сказала! – громко проговорила цыганка.

Рита медленно обернулась.

– Откуда вы... все это знаете? – спросила она.

Цыганка улыбнулась, блеснув золотым зубом.

– Судьбу твою вижу, красавица! Все, что было, и все, что будет!

– И... что у меня будет? – запнувшись, спросила Рита.

– Дай руку, погадаю – разгадаю! – добродушно сказала цыганка, подходя к ней и протягивая ладонь. – Не бойся, красавица, дорого не возьму – нравишься ты мне, хорошая ты!

Рита недоверчиво смотрела на цыганку, не подавая ей руки.

– Почему это я вам нравлюсь? – негромко спросила она.

Цыганка улыбнулась – мягко, по-сестрински:

– А потому нравишься, милая, что одна ты. Одна с детьми, как и я. Мой тоже пил, пил, меня, детей бил, и я тоже ушла. Ушла – и себя нашла! И ты тоже себя найдешь, милая. Дай руку. Сто рублей всего возьму и всю судьбу твою расскажу.

Рита нерешительно посмотрела на смуглую руку цыганки, так же нерешительно протянула свою. Цыганка подтянула ее ладонь к своим близоруким глазам, пару секунд разглядывала линии и вдруг зацокала языком, закачала головой:

– Ай цеге, ай цеге-е... Много плохого тебя ждет, милая.

– Пло...хого? – еле выговорила Рита.

Цыганка пристальнее взгляделась в ее ладонь, нахмурилась и сказала:

– Недели не пройдет, как в зеркале себя не узнаешь. Будет все новое, будет у тебя мужчина, в золоте станешь купаться и с серебра есть...

Рита вырвала руку.

– Глупости какие говоришь, цыганка, – сердито сказала она. – Какое еще золото? Сбрендила ты, что ли, совсем?

Цыганка подняла голову и посмотрела Рите в глаза.

– Золото не съешь, и серебро не съешь – только зубы обломаешь, – непонятно изрекла она.

Еще пару секунд они смотрели друг другу в глаза, а потом цыганка вдруг запрокинул голову и засмеялась, смачно, нагло, страшно.

– Дура какая! – выругалась Рита.

Она схватила детей за руки и потащила их прочь от цыганки. А та все смеялась ей вслед, и от смеха ее, похожего на зловещее воронье карканье, по коже Риты бегали холодные мурашки, как предвестники близкого несчастья.

Когда они проходили мимо кафе «Росбутер», Лиза дернула мать за руку и объявила:

– Хочу есть!

Рита остановилась, посмотрела на требовательное личико дочери, на хмурое лицо сына, перевела рассеянный взгляд на вывеску кафе, секунду думала, затем решительно сказала:

– Поедим тут.

– Может, батон и кефир купим? Дешевле выйдет, – предложил Лешка.

– Нет. Поедим тут. Только деньги достану.

Рита подошла к серой покосившейся скамейке и поставила на нее сумку. Расстегнула боковой кармашек, намереваясь достать пакет с деньгами, и вдруг замерла.

– А где...

Она осеклась. Стала быстро и испуганно перебирать карманы сумки. Один, второй и от отчаяния третий – совсем маленький, в котором ничего бы не уместилось.

– Мам? – насторожился Лешка.

– Мамуль, ты чего? – удивленно спросила Лиза.

Рита остановилась, повернула голову, посмотрела на детей расширившимися от ужаса глазами.

– Деньги... – хрипло пробормотала она. – Их... нет.

– Потеряла? – удивилась Лиза.

А Лешка, уже взрослый и все понимающий, побледнев, уточнил:

– А сколько пропало?

– Все, – сказала Рита тем же упавшим голосом. – Все деньги пропали.

Еще секунду Рита смотрела на детей ошалевшим, полубезумным взглядом, а потом опустилась на скамейку, закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Лешка с Лизой переглянулись. Оба нахмурились и вздохнули. Вдруг Рита отняла от лица ладони и хрипло воскликнула:

– Цыганка!

– Мам... – заговорил было Лешка.

Не слушая сына, Рита вскочила на ноги.

...Почти час Рита и дети петляли по кварталу, заглядывая в каждый двор, дергая двери подъездов, приставая с расспросами к дворникам-таджикам. Цыганки след простыл.

– Мам, это бесполезно, – сказал наконец Лешка. – Мы ее не найдем.

Рита не отозвалась.

– Мам, я есть хочу, – обиженно шмыгнув носом, сказала Лиза. – И устала. Ноги уже не ходят. ...Мама?

Рита стояла посреди двора, глядя на свое черное отражение в луже, и о чем-то размышляла.

– Мам? – спросил Лешка. – Ты чего?

– Чего ты, мамуль? – удивленно пролепетала Лиза, прижимая к себе тряпичную куклу.

И Рита сбросила с себя оцепенение.

– Да пошло оно все! – в сердцах выругалась она. – Все равно не вернуса! Пусть сдохнет там от своей водки, а я не вернуса! – Рита посмотрела на детей. – И вам не дам, поняли?

Лешка и Лиза поспешно закивали, с изумлением глядя на мать.

– Хотели в «Росбутер»? – Она протянула им руки. – Пошлите!

5

Они выбрали крайний столик в кафе «Росбутер». Столик был красивый – красный, пластиковый, блестящий, и от этого выглядевший таким чистым, что Рите стало неудобно за то, что одежда на ней и детях старая.

– Мам, а что мы закажем? – спросила Лиза, устроившись за столиком. – Я хочу курицу и картошку фри!

– А мне росбутер «Курица-шашлык», – объявил Лешка.

– Тише, – оборвала их Рита, быстро оглядывая зал.

Девушка, сидящая за соседним столиком, встала, надела курточку и зашагала к выходу. Поднос с недоеденными росбутером и картошкой остался на столе. Рита быстро поднялась, отслеживая взглядом уборщиков, чтобы – если придется – быстро их опередить, шагнула к столику, взяла поднос и поставила его на стол перед детьми.

– Ешьте, – сказала она, усаживаясь на стул.

Лешка и Лиза посмотрели на поднос с остатками еды подозрительными взглядами.

– Мам, это же чужие объедки, – сказал Лешка.

– Она их не кусала, – заверила его Рита. – Просто отламывала пальцами, я видела.

Лешка и Лиза переглянулись, потом уставились на мать недоверчивыми взглядами. Рита нахмурилась.

– Хватит нос воротить. Ешьте! Быстро!

Дети все еще пребывала в сомнении. Рита погрозила им пальцем:

– Вот не найду работу, и придется нам с вами мурцовку хряпать. Вспомните тогда, как от вкусноты отказывались.

Губы Лизки задрожали.

– Не хочу мурцовку хряпать, – занюнила она.

– Никто не хочет, – сказала Рита. – Ешьте!

Еще несколько секунд дети колебались, но потом голод победил брезгливость, Лизка взяла пакетик с картошкой, а Лешка – росбутер. Ели они с аппетитом, а Рита смотрела на детей и думала о том, что все это ничего. Она обязательно найдет, где заработать. Руки есть, желание – тоже. Как-нибудь образуется.

– Доели? – спросила Рита.

– Да, – с довольным видом сказала Лиза.

– Давно уже, – пробурчал Лешка.

Губы и щеки Лизы были испачканы кетчупом. Рита достала из холщовой сумки платок, вытерла дочери мордашку.

– Мам, а мы нищие? – спросила вдруг Лиза.

Рита замерла, жала в руке платок, потом нахмурилась и сказала строго:

– Нет. С чего ты взяла?

– Дурочка, мы не нищие, – назидательно сказал сестре Лешка. – Мы бомжи. Поняла?

– Перестаньте, – сердито сказала Рита. – Мы не нищие и не бомжи. У нас с вами эти... как их... временные трудности, ясно?

– Ясно, – сказала Лизка.

– И сколько времени они будут длиться, эти трудности? – спросил Лешка.

– Пока я не найду работу, – ответила Рита. – Вот как только найду, так они сразу и закончатся.

– А если вообще не найдешь? – поинтересовалась Лиза.

– Типун тебе на язык, – строго сказала Рита. – Найду, куда не денусь.

Потом они вышли на улицу, и пошли по улице, и пару минут шли в молчании, а потом Лиза подняла голову и спросила:

– Мам, а что такое типун?

Рита не ответила. Она увидела церковь – белую, с золотым куполом, и рука ее сама собой поднялась ко лбу. Она стыдливо перекрестилась, потом взяла детей за руки и торопливо повела их мимо церкви. Когда они поравнялись с церковными воротами, безногий нищий, сидевший на плитках тротуара, громко сказал ей:

– Благослови тебя господь, добрая женщина!

– Вы бы не сидели на холодном, – сказала Рита. – Сильнее ведь заболееете.

– Да мне уже все одно, – усмехнулся нищий и махнул черной от грязи рукой. – Денек протяну – и хорошо. Нет – значит, так тому и быть.

Рита секунду раздумывала, затем достала из кармана завернутый в салфетку кусочек рособургера, который она подхватила с какого-то столика перед уходом из кафе, и протянула его нищему. Тот взял и чинно поблагодарил:

– Благодарствую.

– Мам, ты же говорила, что у нас мало денег, – запротестовал Лешка. – А сама дала этому дяденьке рособургер. Почему?

Рита погладила сына по голове и, чуть наклонившись к нему, тихо проговорила:

– Нужно делиться с теми, кому хуже, чем нам.

Нищий насторожился, вслушиваясь в тихий голос Риты. И вдруг спросил, кивнув на тряпичную куклу, которую прижимала к груди Лиза.

– Как ее зовут?

Лиза посмотрела на куклу, потом на нищего и сказала серьезным голосом:

– Ее зовут Васька.

– Но это ведь девочка, – сказал нищий.

– И что?

– Васька ей не подходит.

– Васька это сокращенно – от Василисы, – объяснила Лиза.

Нищий улыбнулся:

– Вот оно что! А вы сами-то откуда? – спросил он у Риты.

– Из Амвросиевки, – ответила она. – В сорока километрах от города.

– Как же, слышал, – кивнул нищий. – И как там дела, в Амвросиевке?

– Да по-разному. Как и везде.

– А чего в город? В гости или погулять?

Рита хотела ответить, но не знала как. На помощь пришла Лиза.

– Наш папа побил маму и пропил все деньги, – сказала Лиза, с любопытством разглядывая бомжа.

Рита с упреком посмотрела на дочку:

– Лиза!

Нищий крикнул.

– Вот, значит, как. – Он посмотрел на Риту. – Значит, приехали в город, а ни денег, ни жилья у вас тут нет. Я правильно понимаю?

– Правильно, – негромко сказала Рита. – Но все образуется. – Она через силу улыбнулась и добавила: – Я работающая, не пропадем. Нам пора. До свиданья! – Рита взяла детей за руки. – Идемте! Ну, чего встали?

Они еще раз кивнула нищему, затем вся троица пошла прочь. Нищий наморщил грязный лоб, о чем-то размышляя. Потом резко выдохнул, словно принял вдруг твердое решение, и крикнул вслед Рите и детям:

– Эй, мамаша! Мамаша, погоди!

Рита остановилась, вопросительно глянула на нищего через плечо.

– Поди-ка сюда! – сказал нищий.

Рита, по-прежнему держа детишек за руки, подошла к нищему и остановилась перед ним:

– Чего?

– Тут в арт-галерее работает одна женщина. Зовут Нина Ивановна. Подойди к ней и скажи, что ты от Викентьевича. И что тебе нужен угол. Временно.

– И зачем это? – не поняла Рита.

– Нина Ивановна очень добрая женщина. Всем нам тут помогает. То денежек подкинет на хлеб, а то сумку с продуктами оставит. Глядишь, и тебе как-нибудь поможет. Сильно-то не надейся, но попробуй.

– А где этот магазин? – спросила Рита.

– Это не магазин. Там картины висят – чтоб все любовались. Иди к вокзалу, но не входи внутрь, а поверни направо. Там сразу и увидишь. «Арт-галерея». Запомнишь?

– Запомню, не дура же. Ну, спасибо вам.

– Да мне что – тебе спасибо. Иди с богом.

Бомж улыбнулся ей на прощанье, затем развернулся вместе с каталкой и снова заблажил свою песню.

– Подайте на пропитание калеке! За людей пострадал! Не ради себя, ради бога прошу! Подайте на пропитание!

«Арт-галерея» оказалась одной большой комнатой, на стенах которой висели картины. Деревья на картинах были сплошь кривые, люди страшные, а на некоторых не было ни людей, ни деревьев, а только одни пятна и черточки.

– Мам, как тут красиво! – восторженно проговорила Лиза. – Прямо как в музее!

Навстречу им шла высокая худая женщина с коротко стриженными (под мальчика) обесцвеченными волосами. Одетая она была странно – в кофту, длинную зеленую юбку и в светлые тапочки, похожие на кеды. На каждом запястье у женщины было по миллиону браслетов, но все дешевенькие, из бусиков или вообще из переплетенных шерстяных ниток. Она была похожа на тощую длинную цыганку, но только с русским лицом.

Женщина остановилась перед Ритой, улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте!

– И вам не хворать, – отозвалась Рита.

Женщина посмотрела на Лизу.

– Как тебя зовут? – ласково поинтересовалась она.

Лиза посмотрела на нее снизу вверх и с достоинством ответила:

– Лизавета Николаевна.

Стриженная повернулась к полочкам со всякой красивой всячиной, сняла с крюка маленький брелок с пушистым котенком и протянула Лизе:

– Это вам, Елизавета Николаевна, – сказала женщина.

Лиза с восторгом посмотрела на котенка, дернула рукой, явно собираясь протянуть ее, но так и не протянула.

– Я от незнакомых людей подарков не принимаю, – сказала девочка – спокойно, без вызова.

– Лиза! – прикрикнула на дочку Рита.

– Да нет, она совершенно права. От незнакомых людей подарки принимать не следует. Знаешь, что мы сделаем?

– Познакомимся? – предположила Лиза.

– Точно! Твое имя я уже знаю. А меня зовут Нина Ивановна. Я хозяйка этой галереи.

– Всего-всего? – недоверчиво уточнила Лиза.

– Всего-всего, – кивнула Нина Ивановна. – Держи!

Она снова протянула Лизе пушистого котенка. Лиза, поколебавшись, взяла подарок.

– Лиза, что надо сказать? – тихо напомнила ей Рита.

– Мам, я и сама знаю, просто не успела, – запротестовала Лиза. Повернула голову к Нине Ивановне и вежливо проговорила: – Спасибо!

– Не за что, – отозвалась хозяйка галереи приветливым голосом.

Рита с любопытством и надеждой посмотрела на Нину Ивановну. На вид той было лет тридцать с небольшим. Как и самой Рите. Лицо у Нины Ивановны было симпатичное, почти красивое, только немного усталое.

– Это ваша дочка? – спросила Нина Ивановна у Риты, кивнув на Лизу.

– Да. Спасибо за котенка. Я...

– Красивая у вас дочурка. И смышленная.

Рита кашлянула в кулак и приступила к делу.

– Нина Ивановна, меня сюда послал этот человек с улицы... Ну, бомж... Как же его?... – Рита сдвинула брови, припоминая. – Викентьевич, кажется... Сказал, что вы добрая, и чтобы я... сказала вам про себя.

– Вот как! Хорошо. Викентьевич – мой старый друг. И что же вы должны рассказать мне про себя?

– Да рассказывать особо нечего... Нам бы это... угол снять в городе... Денег у меня пока нет, но я работающая. Найду работу и обязательно заплачу.

Нина Ивановна молча выслушала Риту, а когда та закончила, спросила, кивнув подбородком на ее припухшее от побоев лицо:

– Это у вас откуда?

Рита открыла рот для ответа, но Лиза ее опередила.

– Это ее папа побил, – с готовностью сообщила она. – За то, что мама не давала ему все деньги пропить. Только он все равно пропил.

Лешка дернул ее за руку.

– Это наше личное дело, – угрюмо проговорил он. – Нельзя всем про это рассказывать.

Нина Ивановна улыбнулась.

– Ты прав, – сказала она. – Я не буду лезть в ваши личные дела. Но я могу попробовать вам помочь. Ведь могу?

Лешка отвел глаза, но ничего не сказал. Нина Ивановна перевела взгляд на Риту.

– Тут рядом есть кафе с игровой комнатой. Давайте отведем туда детей, а сами побеседуем за чашкой кофе.

6

– Три с половиной года назад мы с мужем потеряли сына. – Рита перевела дух, изо всех сил стараясь не заплакать. – Его звали Сашенька, и ему было шесть лет.

– Боже! – тихо проговорила Нина Ивановна. Она положила руку на предплечье Риты и легонько сжала его пальцами. – Я тебе сочувствую. Очень. Прости, что напомнила.

– Я сама стараюсь его не забывать. Мне кажется, если я перестану его вспоминать – я его предам.

Нина Ивановна помолчала, искоса поглядывая на Риту.

– Но ведь тяжело так, наверное, – сказала она после паузы. – Все время помнить...

– Да, – сказала Рита. – Нелегко.

Она помолчала, отпила кофе, после чего продолжила свой невеселый рассказ.

– Муж запил. Ну, то есть, он и раньше это дело любил. Но после Сашеньки вообще с катушек слетел. Первое время он еще работал – слесарем в сервисе, а потом и работу забросил. Так, подрабатывал там-сям, но уже через пень-колоду. Остальное время пил со своими дружками-бухариками. «Жигуленок» пропил, «копейку». Румынский гарнитур с трельяжем, еще много чего. Денег вообще почти не стало, пришлось мне на три работы устроиться, чтобы деток и алконавта этого тянуть. А недели две назад повадились к нему какие-то дельцы. Квартиру предлагали им продать. И втемяшил Колька себе в башку, что квартира нам не нужна, что можем у деда с бабкой пожить в Красноярском крае. А где там жить? У них избенка кособокая – спальня да кухня. Да сарай-развалюшка. – Рита снова сделала паузу, чтобы перевести дух. – Ну, а вчера прихожу с детьми домой – а он сидит, пьет, – продолжила Рита. – Продажу квартиры нашей обмывает. А они – которые с ним – говорят, что нам через два дня надо съехать. Я в крик – что? как? куда съехать? А Колька меня поколотил да и храпеть завалился.

– То есть... он все-таки продал вашу квартиру?

Рита махнула рукой.

– Да какое там «продал», – с досадой сказала она. – Облапошили его. Считай, за так отдал. А я, как в себя пришла, вспомнила, что меня подруга Алька в город звала. Я деньги у Кольки забрала, детей разбудила – и на автобус. Да тут еще хуже стало.

– Хуже?

– Алька померла. В ее квартире теперь племянница со своих хахалем живет. А вдобавок у меня еще все деньги украли.

– Украли?

– Угу. Тыщ тридцать там было. Цыганка мне на ладони гадала, да пока я слушала, все и сперла. Ума не приложу, как она сумела. – Рита вздохнула. – Не надо было мне деньги в карман сумки класть. Надо было в одежду спрятать. Но чего уж теперь говорить...

Они помолчали.

– Значит, так, – сказала Нина Ивановна после паузы. – Я сейчас живу одна, муж уехал в рабочую командировку на три недели. Комнатка у меня для тебя и твоих детей найдется. Поживешь, пообвыкнешься...

– Так это... – Рита чуть покраснела. – У меня денег-то почти нет. Чем платить буду?

Нина Ивановна улыбнулась:

– Устроишься на работу – отдашь.

– Вот спасибочки! – обрадовалась Рита. Но тут же насторожилась: – А сколько?

– Да не бойся, много не возьму, – по-доброму усмехнулась Нина Ивановна. – Получишь зарплату – дашь столько, сколько захочешь.

– А если сбегу? Да еще обворую вас?

– Тогда я заявлю на тебя в полицию. Но надеюсь, что до этого не дойдет. Да ладно, не напрягайся, я пошутила. Все будет хорошо. Может, со временем найдешь себе комнату в общежитии. Или устроишься на работу с предоставлением жилья.

Рита смотрела на Нину Ивановну с сомнением.

– Почему вы мне помогаете? – спросила она, глядя ей в глаза. – Только по-честному.

Нина Ивановна помедлила пару секунд, а затем нехотя проговорила:

– Пятнадцать лет назад я поссорилась с родителями и ушла из дома. Занималась черт знает чем, впуталась в одну нехорошую историю... В общем, если бы одна добрая женщина не подобрала меня и не отвела к себе домой – меня бы сейчас здесь не было. И вообще бы не было. Нигде. А теперь зови детей и пойдем!

Нина Ивановна поднялась из-за стола.

7

Нина Ивановна открыла дверь, включила в прихожей свет и посторонилась, впуская Риту и ее детей в квартиру.

– Ну, вот мы и дома, – с улыбкой сказала она. – Проходите и располагайтесь!

Рита подтолкнула вперед детей, потом вошла сама. Лизка с Лешкой тут же завертели головами, с восхищением глядя на красивую люстру, на вешалку из оленьих рогов, на красивые картинки, развешанные на стенах.

– Четкая у вас квартира, – вежливо похвалила Рита.

– Четкая? – не поняла Нина Ивановна.

– Крутая, – пояснил Лешка.

– Клевая, – нашла нужным добавить Лиза.

Нина Ивановна засмеялась.

– Спасибо за комплимент. Разувайтесь, вешайте куртки и проходите в гостиную!

В гостиной оказалось еще красивее и как-то совсем уж необычно и непривычно для Риты. На стенах – ни одного ковра. Мебели необычно мало: только диван, два кресла, несколько толстых полок с какими-то бесполезными статуэтками. Перед диваном – маленький столик, словно нарочно обшарпанный, а напротив дивана, на стене, огромный черный экран телевизора. Рита такие только в сериалах видела.

И ни тебе комодов, ни тебе серванта, да и ковер под ногами какой-то скучный, без узоров.

– Садитесь, где удобнее, – сказала Нина Ивановна. – А я пойду сделаю чай. Да соображу что-нибудь перекусить.

– Можно я вам помогу? – робко спросила Рита.

Нина Ивановна улыбнулась:

– Конечно. Только зови меня просто Нина. Да, и давай на «ты». Я на работе от этого «выканья» устаю. Договорились?

– Договорились, – сказала Рита.

...На кухне работа нашлась для обеих женщин. Рита нарезала сыр для бутербродов, а Нина заваривала какой-то особенный чай, отвечая на вопросы Риты.

– А муж у вас есть?

– Есть. Гражданский.

– Это как?

– Живем вместе, но не расписаны.

– А где он сейчас?

– В Рейкьявике.

– А это что? – не поняла Рита.

– Рейкьявик-то? – Нина Ивановна улыбнулась. – Город, конечно.

– Далеко от нашего?

– От нашего города?

– Да.

– Очень! Это в Исландии. Знаешь такую страну?

– Конечно. – Рита чуть покраснела и тихо проговорила: – Это... рядом с Америкой, да?

Нина Ивановна засмеялась:

– Не совсем. Но неважно. Знаешь, у меня и у самой в школе по географии был трояк.

Рита закончила с сыром и принялась нарезать ветчину.

– И чем ваш муж там занимается? – спросила она у Нины.

– Он писатель. Только пока не очень известный.

– Вот оно как. Писатель! Повезло вам. – Рита вздохнула. – А мой – просто алкаш.

– Да, – задумчиво проговорила Нина Ивановна, разливая чай по фарфоровым чашкам. – Алкоголь разрушил немало семей.

– А ваш-то не пьет? – поинтересовалась Рита.

– Ну, иногда случается. Любит красное сухое вино. Испанское, итальянское.

– Вы за ним приглядывайте, – назидательно сказала Рита. – С «сухарика»-то все и начинается. Сперва стакан-другой «Арбатского», потом портвешок, а там и до беленькой недалеко. Мой тоже со слабенького начинал. Сперва «Тещин погребок» пил, а потом сам не заметил как на «Дзедулину пляшку» перешел. Знаете такую?

– Э... да. – Нина Ивановна неуверенно улыбнулась. – Слышала.

– Ну, вот, – кивнула Рита, сооружая бутерброды с сыром и ветчиной. – Ну, а с «пляшки» уже перескочил на водяру. У мужиков это быстро.

– Ты его, наверное, ненавидишь?

Рита прервала свое занятие, задумалась, потом покачала головой и сказала:

– Да нет. Как ненавидеть-то? Одиннадцать лет вместе. Плохой был, да свой.

Нина Ивановна понимающе кивнула, хоть было видно, что она не совсем понимает чувства Риты и уж точно их не принимает.

– Ладно, – сказала Нина Ивановна, – теперь ставь тарелки на поднос. Будем пить чай в гостиной.

– Может, не надо? – нахмурилась Рита. – У вас там ковер такой красивый, а мои его хлебными крошками и чаем обгадят.

Но чаевничали все-таки в гостиной. Рита чувствовала себя неловко – ей было стыдно за свои манеры, за то, что дети чавкают, за то, что крошки падают на стол. И в то же время она впервые за долгое время чувствовала себя спокойной и защищенной от невзгод. Горечь из-за потерянных денег почти ушла, тоска по умершей Але тоже почти не давала о себе знать.

– Хорошо у вас тут, – сказала Рита, прихлебывая чай и оглядывая большую комнату.

Здесь не было ни привычного ковра на стене, ни приличной мебели-«стенки». В посудном шкафчике вместо тарелок и чашек были одни только бокалы – узкие, широкие, маленькие, большие, да и те не хрустальные, а из простого стекла. Но смотрелось все равно красиво. (Правда, Рита ума не могла приложить, для чего людям так много бокалов? Разве что на свадьбу, так и свадьбы же не каждый день.)

Что-то мелодично стукнуло за спиной у Риты. Она вздрогнула и завертела головой.

– Ох, матушки! Чего это? – испугалась Рита.

– Что? – не поняла Нина Ивановна.

– Да вот стучит-то!

– А, это. – Нина Ивановна улыбнулась. – Часы. Они отбивают каждый час.

Рита успокоилась и загляделась на часы, изображающие всадника, оседлавшего небольшую лошадку, вставшую на дыбы.

– Красивые, – похвалила Рита. – И мужчина такой важный. Настоящий командир. Дорогие, поди, часы-то?

– Не знаю. Мне от матери достались. А ей – от ее матери.

– Вот оно как. – Рита вздохнула. – Бывает же у людей.

Нина посмотрела на Лизу и Лешку.

– Дети, если вам скучно – бегите в соседнюю комнату, там есть шашки и лото.

Лешка с Лизой переглянулись. Затем соскользнули со стульев и ушли в соседнюю комнату.

– Только дверь за собой прикройте! – сказала им вслед Рита. – Чтоб не мешали людям!

Лешка обернулся, хмыкнул и плотно прикрыл за собой дверь. Рита, робко глядя на Нину Ивановну, отпила чаю.

– Что думаешь делать дальше, Рита? – мягко поинтересовалась та.

– Ну... – Рита пожала плечами. – Хочу устроиться на работу.

– А образование у тебя какое?

Рита слегка ступевалась.

– Так я это... девять классов в школе закончила. А потом еще на швею училась. Только не работала по специальности. У нас в рабпоселке почти сразу цех закрыли.

– Кем же ты тогда работала?

– Много кем. – Рита робко улыбнулась. – Уборщицей. Санитаркой. Дворы мела. Так а че – я ведь никакой черной работы не боюсь. За любую могу взяться. Когда санитаркой в больнице работала – утки за больными выносила. И туалет привокзальный мыла...

– Ладно, не продолжай. – Нина Ивановна задумалась. – Послушай, – сказала она после паузы, – я тут проходила мимо конторы, в которой когда-то работала, и видела объявление. Кажется, им требуется уборщица.

– Я могу! – тут же выпалила Рита, вся подобравшись и с надеждой глядя на Нину Ивановну, словно от той зависела вся ее жизнь.

– Еще поинтересуюсь у своего родственника, – продолжала Нина Ивановна. – Он работает управляющим в кафе. Может, им нужна посудомойка.

– Спасибо! – с чувством сказала Рита.

Нина Ивановна улыбнулась:

– погоди благодарить. Еще ведь ничего не известно. Ты, главное, не раскисай, все образуется.

– Не буду, – пообещала Рита. – Вот только... – Она снова поникла.

– Что? – спросила Нина Ивановна.

– У меня ж детишки непристроенные. С кем их-то оставлять, когда я буду работать?

Нина Ивановна ненадолго задумалась, после чего объявила:

– Эту проблему мы решим. Моя знакомая работает директором в лицее. Уверена, она не откажется взять Лешку и Лизу. А зарегистрируем их у меня в квартире.

– Лиза еще маленькая, – неуверенно сказала Рита.

– В лицее есть нулевой класс. Как раз для шестилеток. Там очень душевные преподаватели, и твои дети будут под присмотром с утра до вечера. – Нина Ивановна посмотрела на часы. – Ну, а теперь спать. Мне завтра с утра на работу.

8

Валерий Аркадьевич Старостин, профессор-нейрофизиолог, автор двадцати научных публикаций в журнале «Сайнс», лауреат научной премии имени Кольцова – и все это в сорок шесть лет! – стоял на мосту, облокотившись на железный парапет, и смотрел на мобильный телефон, который держал в руке.

Выглядел профессор скверно. Рыжеватая бородка его была неухожена, дужка очков нелепо выгнулась, пальто было порвано на плече, а на лбу и правой скуле светлели кусочки пластыря.

Лицо профессора Старостина было задумчивым, во взгляде читалась тревога, ему явно было не по себе.

И вдруг мобильник зазвонил. От испуга Старостин вздрогнул и едва не выронил телефон из пальцев, но быстро овладел собой, глянул на дисплей («Номер не определен»), секунду помешкал, а потом поднес мобильник к уху.

– Слушаю, – сказал он в трубу.

– Здравствуйте, Валерий Аркадьевич, – услышал он знакомый ровный голос. – Где вы?

– Я? – Старостин быстро посмотрел по сторонам, затем негромко и сухо проговорил в трубку: – Я там, где вынужден быть. Из-за вас.

– Звучит не очень конкретно, – так же спокойно и сухо произнес голос. – Ну да ладно. Вы кое-что у нас забрали, Валерий Аркадьевич. И мы хотим, чтобы вы это вернули. И чем быстрее, тем лучше.

– Лучше? – Лицо Старостина исказила усмешка, похожая на болезненную гримасу. – Для кого лучше?

– Для всех. И для вас в первую очередь. Давайте встретимся и все спокойно обсудим.

Профессор облизнул пересохшие от волнения губы.

– Мне нужны гарантии, – хрипло вымолвил он.

– Гарантии?

– Да! Гарантии того, что меня не постигнет участь моих коллег по лаборатории.

– Взрыв в лаборатории был несчастным случаем. Это первое. Вы можете сами выбрать место встречи. Это второе. Со своей стороны, я лично гарантирую, что ничего страшного с вами не случится. Это третье. Есть и четвертое. Мое начальство решило увеличить размер вашего вознаграждения – в два раза.

Профессор Старостин вынул из кармана плаща платок и промокнул вспотевший лоб.

– Вы платите мне за молчание? – сипло проговорил он. – За то, чтобы я предал своих коллег, которых вы убили?

– Валерий Аркадьевич, успокойтесь. Я просто хочу вам помочь. Если вы не прислушаетесь к моим советам, то ваша жизнь превратится в ад. Одно утешение – ад этот будет длиться очень недолго.

Профессор нервно дернул щекой. Помедлил, мучительно морщась, а затем сказал:

– Я позвоню вам и сообщу о своем решении.

– Валерий Аркад...

Старостин отключил мобильник, размахнулся и яростно зашвырнул его в реку.

Затем он поднял воротник плаща, огляделся и быстро зашагал по мосту. Одутловатое лицо его было бледным, глаза запали, губы подрагивали. Перед глазами у Старостина снова пронеслась жуткая картина расправы. Вот он сидит за столом, уставленным колбами и пробирками с реактивами, настроение у него отличное, и не столько потому, что успех последнего опыта открывает ему дорогу к внушительному финансовому вознаграждению, а потому, что

успех этот – доказательство его правоты, его профессиональной состоятельности, его – черт побери! – таланта.

Валерий Аркадьевич делает пометки в журнале наблюдений и закрывает его. После чего встает из-за стола и подходит к клетке с обезьянами, возле которой уже собрались его коллеги. Лаборант Зиночка Непряжская держит в руке шприц. Лаборант Митя Старовойтов подносит ей пробирку с препаратом М8МВ7.

Все уже знают, что будет дальше, потому что препарат М8МВ7 – это почти то же самое, что препарат М8МВ7, который они опробовали на обезьянах две недели назад, однако новый препарат абсолютно не вызывает отторжения и не должен вызвать никаких аллергических реакций.

Обезьянка уже лежит на железном столе, лапы ее пристегнуты пластиковыми ремешками к стальным рамам. Обезьянка находится под действием седатика, она не спит, но и не волнуется, лишь спокойно и как-то обреченно смотрит на собравшихся возле стола людей в белых халатах.

Набрав в шприц препарат, Зиночка поворачивается к профессору Старостину. В ту же секунду глаза других коллег – а это восемь пар глаз – также обращаются на него. Лица у всех радостные, ведь цель почти достигнута, работа последних полутора лет закончилась успехом. Все ждут от Валерия Аркадьевича сигнала к началу, и он, поправив пальцем очки, обводит лица коллег веселым взглядом и спрашивает:

– Ну, что? Все готовы?

– Да, – едва ли не хором отвечают ему коллеги.

И он переводит взгляд на лаборанта Непряжскую и говорит:

– Зиночка, вводите препарат.

– Хорошо, Валерий Аркадьевич!

Зиночка склоняется над обезьянкой и делает ей укол. Обезьянка издает недовольный сиплый возглас, но не кричит и не мечется, и Зиночка спокойно вводит препарат, затем вынимает иглу, быстро зажимает ранку на предплечье обезьяны ватой, кладет шприц в биксу и поворачивается к Старостину.

– Готово, Валерий Аркадьевич!

И он улыбается ей в ответ, хочет похвалить ее за то, что она так хорошо работала все эти полтора года, что у нее такое милое лицо, и такая волшебная улыбка (держа в уме, что минувшей ночью в гостиничном номере им было хорошо вместе, и она сказала ему, что любит его, и, вполне возможно, не врала) – и пока он собирается сказать все это, в лаборатории происходит что-то страшное.

Он видит, что что-то черное упало к его ногам и крутится на месте, и понимает вдруг, что это граната, прямо как в кино, и что сейчас она взорвется – но она не взрывается.

– Зиночка! – хрипло кричит он, глядя на испачканное кровью лицо Зиночки.

Потом он слышит грохот, и еще не понимая, что это выстрелы, поднимается на ноги, поворачивается к двери и видит людей в черных масках, и люди эти держат в руках автоматы, и стволы автоматов подергиваются, и грохот, оглушительный грохот не смолкает, а превращается в странный гул. Время словно замедляет свой ход, превращается в вязкую, тягучую субстанцию. И тогда Валерий Аркадьевич, почти не осознавая, что делает, оглохший от гула, снова наклоняется, подбирает с пола неразорвавшуюся гранату, размахивается и швыряет ее к двери, туда, где стоят люди в черных масках, сжимающие в руках рывкающие, как адские псы, автоматы.

А потом лаборатория снова вздрагивает, и все тонет в облаке пыли, штукатурки и кусков арматуры. И Старостин, повернувшись к столу, берет с него кожаный холдер с пробирками и шприцем, поворачивается к окну, и тут время снова начинает течь быстро. И даже быстрее, чем раньше. Не чувствуя под собою ног, Старостин подбегает к окну, распахивает его, заби-

рается на подоконник, а потом прыгает вниз, со второго этажа. Приземляется на куст акации, падает, крича от боли, но поднимается на ноги и, пошатываясь, как пьяный, бежит прочь от лаборатории.

...И вот он уже здесь. Живой и невредимый, если не считать вывихнутой лодыжки и нескольких ссадин, заклеенных пластырем телесного цвета. Он жив, а Зиночка Непряжская и Митя Старовойтов мертвы, и у Зиновки нет лица, и самой ее, конечно, уже нет, даже тела, наверное, не осталось. Люди в черных масках уничтожили, утилизировали все – тела, препараты, трупы обезьян, документацию, его личный журнал наблюдений...

Пораженный этой мыслью, Валерий Аркадьевич резко останавливается.

«Что же делать дальше?» – думает он. И спрашивает себя вслух, с ужасом, горечью и досадой в голосе:

– Что же делать дальше?

И вдруг испытывает острое чувство чужого присутствия. И... уже понимает, что за ним наблюдают. Он и бежит к углу дома, надеясь успеть свернуть в переулок, где его ждет взятая напрокат машина, бежевая «Мазда-СХ5». Только бы успеть... Только бы успеть!

Что-то обжигает левое ухо профессора Старостина, но он не останавливается – он бежит.

* * *

– Имя-фамилия-отчество?

– Рита Суханкина. По отчеству Алексеевна.

Лидия, веснушчатая тридцатипятилетняя толстуха в броской одежде и ярко накрашенными губами, медленно вписала все это в формуляр.

– Сколько лет?

– Тридцать два.

Толстуха вписала и это. Затем подняла бульдожью голову и, строго посмотрев на Риту, спросила:

– Резюме у тебя есть?

Рита непонимающе округлила глаза:

– Чего?

Лида фыркнула:

– Расслабься, я шучу. Шваброй и тряпкой владеешь на профессиональном уровне?

– Э-э... полы мыть умею, – не сразу сообразила Рита. – Я работала санитаркой и еще...

– Полезный навык, – кивнула Лида, не дослушав. – В общем, так. Работать будешь по графику двое суток через двое. Зарплата – двенадцать тысяч. Выплата два раза в месяц, пятого и двадцать пятого. Устраивает?

– Да! – поспешно кивнула Рита.

– Твоя каптерка за стеной. Надевай халат, бери швабру, тряпку, ведро и дуй в туалет. Туалет на этом же этаже, слева по коридору, там найдешь.

...Полчаса спустя Рита, одетая в синий халат, стояла со шваброй в руках перед дверью мужского туалета. Вид у нее был растерянный.

– Ты чего стоишь? – услышала она голос Лиды.

Рита обернулась. Толстуха, грозно уткнув руки в бока, стояла перед ней.

– Так это... – Рита растерянно повела плечами. – Там люди.

– Где там?

– В туалете.

– Они тебе что, мешают?

– Нет, но... – Рита смутилась. – Они же мужчины.

Лида усмехнулась, раздвинув уголками накрашенных губ толстые розовые щеки.

– А ты чего ждала? Что там обезьяны будут?

– Я думала, надо закрыть туалет на санитарную пятиминутку, – сказала Рита. – Мы так делали.

– Закрывать? – удивилась Лида. – Зачем? Стесняешься, что ли?

Рита не ответила, лишь снова неловко повела плечами. Лида хмыкнула.

– Зря. Мужики тебя даже не заметят. Они ж тут все богатеи.

– Но я-то их замечу, – смущенно сказала Рита.

Лида пристально посмотрела на нее и сказала:

– Туалет мы закрывать не будем. Хочешь у нас работать – иди и драй полы. Не хочешь – ищи себе другую работу. Андерстенд?

– Чего?

– Я говорю: поняла?

– Да.

– Ну, шуруй. И ведро не забудь.

Рита вздохнула, затем подняла с пола ведро и двинулась к двери туалета, на которой красовался мужской силуэт.

Входя в туалет, она чуть не наткнулась на пожилого мужчину в костюме, который вышел ей навстречу. Рита испуганно и виновато посторонилась, но мужчина даже не взглянул на нее. Похоже, Лида была права, и он ее просто не заметил, как не замечают какой-нибудь предмет.

Войдя, наконец, в туалет, Рита ошеломленно огляделась. Туалет показался ей похожим на дворец. Стены были отделаны панелями из полированного черного мрамора, и на стенах этих висели небольшие светильники, сделанные, казалось, из чистейшего золота.

За спиной у Риты щелкнула, открываясь, дверь. Рита тут же склонилась и принялась натирать шваброй сверкающий мраморный пол.

В туалет вошел мужчина в темно-синем костюме, светлой рубашке и красном галстуке. У него были острые плечи, острые скулы, и сам он был какой-то худощавый и угловатый. Лицо его, симпатичное, загорелое, было каким-то задумчивым или даже слегка расстроенным. Темные волосы у него на голове были слегка растрепаны, но Рита знала, что это не от неухоженности, а просто мода такая.

Он прошел мимо притихшей Риты, не заметив ее. Встал возле писсуара. Рита отвернулась. В эту секунду в туалет вошел еще один мужчина. Этот был высокий, лохотный и красивый, как киноартист. Светлые волосы острижены под гребенку, прямо как у Ритино мужа, но тоже почему-то выглядят модно и по-городскому.

– Не помешаю? – шутливо спросил лохотный у угловатого, становясь у соседнего писсуара.

– Пристраивайся, – усмехнулся угловатый.

Рита стала усердно тереть пол шваброй, чтобы ее не обвинили в лентяйстве.

– Старик требует «прогноз» к завтрашнему вечеру, – сказал лохотный.

– Требуется, так сделай, – отозвался угловатый и задумчивый. – И не тяни с этим, а то Беклищев вставит тебе дюжину пистонов в зад и подожжет фитиль.

Лохотный растянул губы в улыбке.

– Ничего, успею. Если все получится, слетаю на Мальдивы, – мечтательно проговорил он. – Деньков на пять-шесть. Возьму с собой пару девочек из «Элит-Эскорта» с сисьманами пятого размера. Буду пять дней трахаться и бухать, бухать и трахаться!

– Смотри не надорвись!

Угловатый застегнул брюки и зашагал к умывальникам.

– Ты меня плохо знаешь, – весело сказал ему вслед лохотный.

Рите показалось, что угловатый бросил на нее взгляд, и, стараясь не сплеховать, она принялась тереть пол еще усерднее, но чересчур этим увлеклась и случайно задела шваброй ботинок лощеного.

Тот глянул на Риту через плечо и небрежно проговорил:

– Смотри, куда идешь, дура.

– Я смотрю, – буркнула Рита в ответ.

Не нужно было этого говорить, не нужно было вообще ничего говорить, но вырвалось само собой.

– Что? – удивленно приподнял брови лощеный.

А затем повернулся к Рите и, насмешливо глядя на ее растерянное лицо, пустил струю мочи прямо ей на туфли. Рита вскрикнула и отскочила. Лощеный тип засмеялся, спрятал свое хозяйство в брюки, застегнул молнию и, не обращая на Риту больше никакого внимания, пошел мыть руки.

Рита стояла на месте, оцепеневшая, с раскрытым от изумления и обиды ртом, стояла так до тех пор, пока дверь туалета не хлопнула, закрываясь за лощеным (угловатый покинул туалет раньше), и пока она не осталась одна.

Рита посмотрела на свои туфли. Они были мокрые. Рита скривилась от отвращения, прислонила швабру к стене и быстро прошла к раковине умывальника. Оторвала кусок бумажного полотенца, смочила его под краном и быстро протерла туфли, стараясь успокоиться.

Обижаться на лощеного придурка, конечно, не стоило. Для него она не была женщиной. Для него она даже человеком не была. Кем же она для него была? Вещью, предметом, вот чем! Вроде ведра или тряпки.

Рита почувствовала, как на глаза ей наворачиваются слезы. Она помыла руки, снова стараясь успокоиться.

Ладно. Ничего. Главное, у нее есть работа. Надо работать и помалкивать. В конце концов, она сама виновата. Ведь это она задела шваброй ботинок того богатенького зассанца. Найдя определение лощеному, Рита немного успокоилась. Зассанец он и есть зассанец, что с него взять.

И тут она вдруг ни с того ни с сего вспомнила своего Николая. Примерно неделю назад он сидел на своем диване с тремя собутыльниками, которые выглядели как полные бродяги, а она, согнувшись в три погибели, вытирала тряпкой пивную лужу с пола. Коля отпил пива из бутылки, рыгнул и сказал:

– Три сильнее, дура. Может, жир с задницы растрясешь.

Друзья Коли засмеялись, но один из них за нее заступился.

– Чего ты ее обижаешь, Коль? – сказал он. – Твоя Ритка хорошая баба. Видел бы ты мою выдру. Чуть что не по ней, тут же за скалку хватается! На Крещение, когда мы с мужиками на работе чутка дерябнули – ну, перед тем, как в прорубь залезть, – так эта стерва мне потом чуть башку своей скалкой не проломила! А Ритка у тебя тихая. Живи да радуйся.

– И что мне с того, что она тихая?! Она ж тупая, как пробка. Мне с ней и поговорить-то не о чем.

– А чего тебе с ней говорить? – возразил дружок-хохотун. – Говори с нами. А с женой не говорить надо, с ней надо спать!

Друзья-собутыльники засмеялись, а на глазах у Риты блеснули слезы.

– Коль, зачем ты меня поносишь перед чужими-то? – тихо сказала она.

Николай небрежно и презрительно кивнул на нее головой.

– Слыхали, мужики? «Коль, зачем ты меня поносишь», – передразнил он. И, зыркнув на Риту яростным взглядом, приказал: – Слушай, не доводи до греха, смойся в другую комнату, пока промеж глаз не засветил!

...Рита качнула головой, прогоняя неприятное воспоминание. И приказала себе больше не думать о муже. И не обращать внимание на гадов, которые поливают ее грязью. Не для того она приехала в большой город, сбежав от алкоголика-мужа, чтобы разводить нюни и нянчиться со своими обидами. Рита вернулась к швабре и продолжила работу, решив впредь быть осторожнее и больше не нарываться на неприятности.

9

В обед они встретились с Ниной Ивановной. Та подъехала к офисному зданию инвестиционной компании «Витанова» на своей аккуратенькой и красивой белой машине – как раз в тот момент, когда Рита выходила из здания, закончив свою смену.

– Рита! – окликнула она, опустив стекло. – А я как раз к тебе!

Рита остановилась от неожиданности. С ней еще никто и никогда не разговаривал, сидя в машине, да еще в такой крутой.

– Ну, что же ты стоишь? – улыбнулась Нина Ивановна. – Забирайся в салон. Есть разговор.

Рита села в машину рядом с Ниной Ивановной, которая сидела за рулем.

– Крутая у вас машина, – искренне похвалила Рита. – Красивая. Это «Мерседес»?

– Нет, это «Пежо», – сказала Нина Ивановна. – Слушай, Рит, давай сразу условимся: теперь мы с тобой на «ты», и зови меня просто Нина. Идет?

– Идет, – кивнула Рита.

– Ну, как прошла первая рабочая смена? Как ты?

Рита невесело улыбнулась:

– Как мышь под метлой.

– Тяжело было?

– Да нет, не тяжело. Просто... – Рита запнулась, не зная, как сказать. – Ну, в общем, немного непривычно. – Она улыбнулась и махнула рукой. – Да у меня вечно так. То рубаха длинная, то хрен короткий.

Нина неуверенно улыбнулась.

– Что ж, бывает, – сказала она. – А я, кажется, нашла тебе еще одну работу. Как я тебе говорила, мой троюродный брат работает управляющим в кафе, и им требуется посудомойка.

– Хорошо. – Рита улыбнулась. – Когда выходить?

– Сейчас я отвезу тебя в кафе, и мой брат все тебе расскажет и покажет. Ты готова?

– Да, – кивнула Рита.

– Поехали!

Нина Ивановна тронула машину с места.

– Большой город, – задумчиво сказала Рита, глядя на проносящиеся мимо здания. – И красивый. Не как в моем детстве. Раньше тут просто дома были, а теперь все магазины да рестораны всякие.

– Да уж, – согласилась Нина Ивановна. – Не Советский Союз. Город ожил и процветает.

– Так, а че... – Рита пожалала плечами. – В Советском Союзе вроде неплохо жилось.

– Неплохо? – вскинув брови, повторила Нина Ивановна.

– Ну, да. Правда, я не сильно его помню. Маленькая я тогда была.

– Хочешь сказать, что вы хорошо жили при Совдепии?

– Ну... – Рита пожалала плечами. – Мамка моя постоянно работала. И деньги неплохие зарабатывала. Не миллионы, конечно, но обувь-одеть детишек денег всегда хватало. И квартиру у нас никто отобрать не мог. И получили мы ее бесплатно.

Нина Ивановна нахмурилась.

– Ты, наверное, была маленькая и многого не помнишь, – сказала она. – Государство, дав вам крошечную квартиру и маленькую зарплатку, забрало у вас главное.

– Что? – не поняла Рита.

– Свободу, – с чувством сказала Нина Ивановна.

В глазах у Риты появилось беспокойство.

– Как это? – проговорила она. – Мы ж вроде не в тюрьме сидели.

– Именно что в тюрьме, – сказала Нина Ивановна. – Советский Союз был тюрьмой народов.

На лице Риты появилось выражение полной растерянности, она виновато сказала:

– Не понимаю я. Ты уж прости. А квартира и зарплата правда были. И чтобы к врачу пойти, денег не надо было. Хотя, конечно, иногда шоколадки врачам несли. Так то из благодарности.

– Еще скажи, что все люди были «равны», и что «богатеев не было».

– Так ведь не было, – растерянно сказала Рита.

– И смысла в твоей никчемной жизни не было. И в жизни твоей матери тоже. Работа – очередь в магазине – дом – программа «Время» по телику. Вот и весь круговорот советской жизни. Ну, кем ты тогда могла стать? Чего добиться в жизни?

– А кем я могу стать сейчас? – невольно повысила голос и Рита. – Мамина сестра была простой портнихой, а дослужилась до начальника цеха! А потом и вовсе стала депутатом Верховного Совета! А кем может стать нынешняя портниха? Только портнихой. А начальником нынче может стать только сын начальника. Министром – только сын министра. Разве не так?

– Ты не совсем права, – возразила Нина Ивановна. – Социальных лифтов в нашей стране, конечно, не хватает. И все же, если у человека есть ум и талант, он способен многого добиться. Особенно в наше время.

– А если у меня нет ни ума, ни таланта? – сказала Рита. – И богатых родителей нет. Ничего нет. Куда мне, бедной, податься? Сразу лечь в гроб и накрыться крышкой? Зачем я тогда такая родилась на свете?

Нина Ивановна молчала, не зная, что ответить.

– Ничего мне не светит, кроме тряпки и ведра, – удрученно проговорила Рита. – И говорить об этом нечего.

Нина Ивановна скосила на Риту глаза, потом проговорила с легкой досадой:

– Ладно. Оставим этот разговор на потом.

Несколько секунд обе молчали Рита осторожно тронула руку Нины Ивановны.

– Ты только не обижайся, Нин. Может, я чего и не понимаю. Я ж глупая. Колька мне постоянно об этом говорил.

Нина Ивановна искоса посмотрела на Риту и вдруг улыбнулась.

– Дурак твой Колька, – сказала она мягко. – А ты совсем не глупая. И знаешь... Это ты меня прости, что загрузила тебя всякой ерундой. Кстати, мы приехали.

10

Кафе «Гелави» оказалось небольшой забегаловкой с двумя зальчиками и широкой барной стойкой, пропахшей пивом. Нина провела Риту в кабинет своего брата.

– Вот, – сказала она, представляя Рите румяного толстяка, который поднялся из-за стола им навстречу. – Это мой троюродный брат. Зовут Василий Петрович. Он работает тут управляющим.

– Приятно, приятно, – улыбнулся толстяк, протягивая Рите пухлую ладонь.

– Рита, – представилась она чуть смущенно. (Никогда раньше мужчины не пожимали ей руку.)

– Ну, что, можно считать, что ты ее принял? – с ходу уточнила Нина, глянув на часики.

– Только если она умеет мыть посуду, – с улыбкой сказал Василий Петрович.

– Я умею, – с готовностью сказала Рита.

– Ну, тогда мы сработаемся.

– Ладно, ребята, вы тут налаживайте контакт, а я побежала. – Нина чмокнула брата в щеку, с улыбкой кивнула Рите и вышла из кабинета.

Рита робко, как подобает подчиненной, посмотрела на своего нового начальника. Выглядел он солидно: белая рубашка на тугом, круглом, как мяч, пузе чуть не трещала от напряжения. Под стать пузу была и голова – круглая, толстая, с реденькими бурыми волосами, зачесанными к середине, чтобы скрыть лысину. А лицо все в жировых буераках и красное.

Василий Петрович бросил взгляд на синяк у Риты под глазом, усмехнулся и насмешливо осведомился:

– Что, проблемы с мужем?

– Были, – ответила Рита. – Но теперь нет.

– Развелась, что ли? – уточнил управляющий.

– Покамест просто ушла.

– А будешь разводиться?

– Не знаю... У нас детки. Двое.

– Правильно, – одобрил Василий Петрович. – Бьет – значит любит, верно?

Рита замешкалась с ответом, не зная, что сказать, но Василий Петрович, похоже, и не ждал от нее никакого ответа.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем, покажу фронт работ.

Через двадцать минут Рита, одетая в спецовку и резиновые перчатки, в компании еще двух посудомоек, казашки и узбечки, драила посуду, которой, казалось, конца и края не будет.

Так прошел час. Потом второй. Потом третий. Минут за двадцать до конца смены в комнату вошел Василий Петрович.

– Ну? – обратился он к Рите. – Как тут у тебя дела? Все получается?

Рита выпрямилась и, обернувшись, устало вытерла предплечьем потный лоб.

– Да, Василь Петрович, – сказала она. – Все хорошо.

– Вот и славно, – улыбнулся управляющий. – Вижу, Рита, ты работающая женщина.

Василий Петрович покосился на казашку и узбечку и качнул головой в сторону. Те прекратили работу и, не говоря ни слова, вышли из комнаты. Управляющий перевел взгляд на Риту.

– Ты молодец, – с улыбкой сказал он. – Главное – хорошо работать и не выпендриваться? Ты согласна?

– Да, – сказала Рита, хотя не совсем понимала, о чем он говорит.

Василий Петрович улыбнулся еще шире.

– Работай на совесть, и мы подружимся, – сказал он. – А если мы подружимся...

Управляющий шагнул к Рите, его широкая ладонь легла ей на ягодицу. Рита замерла с мокрой тарелкой в руках.

– Если мы подружимся, ты всегда сможешь рассчитывать не только на зарплату... – Василий Петрович наклонился к уху Риты и тихо проговорил, обдав ее щеку жарким дыханием: – ...Но и на премию.

– Да, Василь Петрович, – пролепетала Рита. – Спасибо.

Рита опустила руку и слегка оттолкнула от себя управляющего – не грубо, но так, чтобы он понял напрасность своих приставаний. Однако Василий Петрович был настойчивее, чем она подумала. Он снова тесно прижался к Рите сзади и обнял ее руками за талию.

– Да ладно тебе, – ласково сказал он. – Я ж по-доброму. Если боишься, что нас застукают, так не бойся. Сюда никто не войдет, я распорядился.

– Василь Петрович, уберите руки, – сказала Рита. – У меня есть муж.

– Твой муж объелся груш, сама ведь сказала, – иронично проговорил управляющий. – И потом, я ж не замуж тебя зову. Так, развлечемся немного, да и все. Ты мне, я – тебе. М-м? – мяукнул он ей в ухо и коснулся губами ее щеки.

Рита снова оттолкнула от себя управляющего, на этот раз настойчивее, чем прежде. Толстяк отпрянул, но ему это явно не понравилось.

– Зачем же так грубо? – обиженно проговорил он. – Начальство нужно любить, милая. И тогда начальство полюбит тебя.

Он в третий раз приник к ней сзади и, обняв, положил ей лапищу на грудь. Сжал грудь пальцами.

– Ну, не кобенься! Тебе понравится, вот увидишь.

Рита почувствовала, как напряглись его брюки.

– Убери руки, – процедила она сквозь зубы. – Убери руки, гад. Ну!

Рита снова с силой оттолкнула его от себя. Василий Петрович остановился, пару секунд смотрел на нее удивленным взглядом, потом нахмурился и сказал:

– Даю тебе срок до завтра. Передумаешь – останешься работать. Нет – вылетишь за дверь. А времена нынче трудные, новую-то работу поди поищи, верно?

– Вы не можете, – сказала Рита. – У меня двое детей.

– Вот и подумай о своих детках. Слушай, милая, я тебе еще одолжение делаю. Ты в зеркале-то себя видела?

Рита молчала. Василий Петрович улыбнулся и сказал насмешливо:

– И не забудь завтра надеть чистые трусы!

Он хохотнул, повернулся и вышел из комнаты.

Рита стояла у раковины, оцепенело глядя на грязную посуду. Она все еще чувствовала толстую руку управляющего у себя на груди, и это ощущение вызывало у нее тошноту и желание помыться.

* * *

Высокий человек в строгом дорогом костюме сидел за широким столом цвета венге. Он был худ и морщинист, но не выглядел стариком; казалось, морщины его – не зарубки, оставленные временем, а результат излишней жесткости, вызванной внутренним холодом, – как трещины на промерзшем куске дерматина. Человека звали Константин Олегович Кальпиди. Многие подчиненные по привычке называли его «Генерал», хотя он давно вышел в отставку.

В дверь постучали.

– Да, – громко сказал Кальпиди.

Дверь открылась, в кабинет вошел мужчина средних лет, неприметной наружности, с выправкой военного. Он прошествовал к столу и встал перед высоким человеком по стойке «смирно». Кальпиди не пригласил его присесть.

– Докладывайте, – сухо проговорил хозяин кабинета.

– Профессор Старостин ушел от преследования и уничтожил мобильник, – сказал неприметный мужчина. – Но мы его ищем. И обязательно найдем.

Кальпиди задумчиво побарабанил по столу длинными сухими пальцами.

– Есть вероятность, что он успел все разболтать журналистам? – спокойно осведомился он.

Неприметный мужчина чуть качнул головой:

– Нет. Не думаю. Иначе бы мы об этом узнали. Мы контролируем информационные потоки.

– Хорошо. Что по «объекту два»?

– Пока не удалось напасть на след.

– Профессор Старостин не только моя проблема, но и твоя. Я хочу, чтобы ты четко себе это представлял. Это наша общая головная боль.

– Я понимаю.

– Докладывай мне о каждом шаге расследования.

– Хорошо.

– Если нужно еще кого-то подключить – требуй.

– Буду.

– Все, свободен.

Кальпиди открыл ящик стола и достал из него кожаный холдер, такой же, как у профессора Старостина.

Он, едва касаясь, почти нежно, провел кончиками пальцем по запечатанной пробирке. В холодных глазах его проступило что-то человеческое, почти мечтательное.

Кальпиди закрыл холдер и положил его в ящик стола. После чего задвинул ящик и, нажав на неприметную кнопку, запер его на кодовый замок.

11

Уставшая, растерянная, выжатая как лимон, Рита плелась по вечернему городу к дому, где жила Нина Ивановна и где сейчас обитали ее детишки Лиза и Лешка. Одета она была в курточку и джинсы, которые подарила ей Нина. Волосы убрала под вязаную шапочку, тоже подаренную Ниной. Из пластикового пакета, который Рита несла в руке, торчала верхушка хлебного батона, купленного в продуктовом магазине «Грошик» за тридцать пять рублей. Со скидкой... Потому что ему несколько дней, и он черствый.

«Черствый, – отупело думала Рита. – Черствый... Черствый... Черствый!..»

В душе у Риты было пусто и безысходно. Перед глазами мелькали тошнотворные картинки одна другой мрачнее. Черные риелторы, спаивающие ее мужа, откровенно смеющиеся над ним и над Ритой, знающие, что управы на них нет... Девочка-подросток и ее дружок, обзывающие Риту деревенской дурой... Лощеный богач – ухмыляющийся, бесстыдно вывалившийся перед ней свое «хозяйство», писающий ей на туфли... Жирное лицо управляющего, похожее на срез докторской колбасы... Его пальцы у Риты на груди; пальцы, похожие на белых толстых червей...

Рита остановилась возле пешеходного перехода, дожидаясь, пока красный свет светофора сменится на зеленый. Машин на дороге не было, однако Рита даже не подумала ступить на дорогу, она просто стояла и ждала. Переулок был безлюден, фонарь бросал на «зебру» перехода тусклый желтый свет. Рита, сама не зная зачем, подняла голову и посмотрела на небо. На ночном выцветшем городском небе, среди блеклых облаков светила одна-единственная звезда. Свет ее был неверным; стоило присмотреться к ней пристальнее, и она словно бы исчезала из вида, но стоило чуть-чуть отвести взгляд, и она возникала снова. Она одновременно была, и ее не было.

Рита подумала, что и вся ее жизнь – как эта звезда, она вроде бы есть, но в то же время ее нет.

– Господи... – хрипло проговорила она, глядя на одинокую звезду. – Сколько еще будут длиться мои мучения? Почему ты все это не прекратишь? Сделай что-нибудь, прошу... Сделай, чтобы все стало по-другому, или убей меня. Только не мучай!

Звезда исчезла. Рита вздохнула и опустила взгляд. Она увидела, что на светофоре зажегся зеленый, и шагнула на «зебру» перехода.

Когда она уже почти дошла до бордюра, неизвестно откуда выскочила машина. Сначала Рита услышала шум, потом повернула голову на этот звук и увидела несущийся на нее автомобиль, но прежде чем Рита что-то поняла, раздался оглушительный скрип тормозов, машина вильнула в сторону, стараясь объехать оцепеневшую Риту, и почти объехала, но самым краем бампера зацепила ее куртку, рывком дернула за собой, и Рита грохнулась на дорогу.

Из темноты небытия Риту вырвал мужской голос, прокричавший ей в лицо:

– Эй! Эй, вы меня слышите?!

Рита открыла глаза и увидела кусочек пластыря, приклеенный к блестящему лбу склонившегося над ней мужчины. Потом опустила взгляд ниже, посмотрела на его очки, потом на его бородку и тихо сказала:

– Чего вы орете?

– Где у вас болит? – спросил мужчина. – Где больно?

Рита попыталась сесть, и мужчина помог ей это сделать. Сидя на асфальте, Рита увидела машину, которая ее сбила. Машина стояла поперек дороги. Это ее развернуло, когда она резко тормозила, поняла Рита. Дорога по-прежнему была пуста. Рита посмотрела на мужчину, он выглядел напуганным, на лбу и щеках его блестел пот, хотя на улице было прохладно.

Рита подняла руку, потрогала свое лицо, потом голову, потом посмотрела на пальцы и увидела, что они испачканы кровью.

– Это что? – тихо спросила она.

– У вас голова разбита, – сказал мужчина. – Но не сильно, думаю, просто рассечена кожа. Сейчас у вас шок, поэтому боли вы не чувствуете. К сожалению, я не могу вызвать «Скорую», у меня нет мобильного.

«Мобильника...» – отозвалось в голове у Риты. Она только сейчас поняла, что слышит слова незнакомца как бы сквозь тихий звон.

– Тут рядом дом, – продолжал говорить тот. – Я попрошу жильцов позвонить в «Скорую». Вы только не волнуйтесь. И не вставайте, вам нельзя двигаться.

«Нельзя двигаться...» – гулко прокатилось в голове у Риты.

И вдруг к звону в ушах добавился еще один звук – шум приближающейся машины. Мужчина, сидевший рядом с Ритой, резко повернул голову на шум, так же резко побелел, а потом снова посмотрел на Риту.

Ее вдруг замутило, звон исчез, словно его всосала невидимая воронка, располагавшаяся внутри ее головы, а потом эта воронка превратилась в пульсирующую боль.

Снова послышался скрип тормозов. Мужчина, сидевший рядом с ней, вдруг выхватил из-под пальто какую-то темную коробочку, быстро открыл ее, вынул изнутри шприц и иглу, потом отшвырнул коробочку. Рита услышала, как захлопали дверцы машины. Незнакомец надел на шприц иглу, наклонился к лицу Риты и тихо шепнул:

– Простите меня.

А потом воткнул иглу Рите в плечо. Она вздрогнула. Мужчина вынул иглу и отбросил шприц в сторону. Потом быстро поднялся на ноги. Рита подняла на него взгляд. Она увидела, как возле незнакомца остановились двое мужчин, как они грубо схватили его и потащили куда-то. Потом у Риты закружилась голова, и она закрыла глаза.

– Кто это?

– Просто прохожая. Думаю, профессор ее сбил.

– Вызвать «Скорую»?

– Не надо.

– Она свидетель.

– Ерунда. Она без сознания. Уходим!

Рита поднялась на ноги. Ее слегка мутило от боли и шока. В ушах у нее все еще слегка звенело. Она огляделась. Пакет молока разорвался от удара об асфальт, молоко разлилось по тротуару. Но батон цел. Грязный только, но это ерунда. Можно помыть горячей водой, а потом прокалить на сковороде... Волосы совсем растрепались. И липкое на них что-то... Грязь или кровь? А где же гребенка?... Господи, да где же гребенка?

Рита всхлипнула и вытерла нос и лицо тыльной стороной ладони.

12

Нина открыла дверь и улыбнулась Рите.

– Пришла? – с улыбкой сказала Нина.

– Пришла, – ответила Рита.

Нина приняла у Риты пакет и посторонилась, давая ей пройти.

– Боже! – тихо воскликнула она, закрыв за Ритой дверь и обернувшись. – Что с тобой?

– Хлеб испачкался, – сиплым, механическим голосом проговорила Рита. – Надо помыть и просушить.

Нина смотрела на Риту расширившимися глазами.

– У тебя кровь на волосах! – воскликнула она.

– Кровь? ...А, это. – Рита говорила медленно, слегка растягивая слова и делая между ними промежутки. – Это я под машину попала.

– Господи! – всплеснула руками Нина. – Надо вызвать «Скорую»!

– Не надо, – проговорила Рита негромким и словно бы обезличенным голосом. – Уже почти не больно. Где Лиза с Алешей?

– Спят, – сказала Нина, удивленно и настороженно глядя на Риту. – Я их накормила и выкупала. Ты точно в порядке?

– Да. Мне надо умыться.

Рита повесила куртку на крючок, разулась и пошла в ванную комнату.

– В ванной есть аптечка, – сказала ей вслед Нина. – Там перекись водорода, пластырь... Чистое полотенце висит на сушилке. – Хочешь, я тебя умою?

– Нет, – сказала Рита, не обернувшись. – Я сама.

Она подошла к двери ванной комнаты, остановилась, повернула к Нине голову и сказала:

– Хлеб надо помыть.

Затем отвернулась и скрылась в ванной. Нина некоторое время стояла неподвижно, с тревожно-задумчивым видом, потом вздохнула, пожала плечами и пошла в гостиную.

Рита сняла джинсы и кофту. Одежда была испачкана грязью, и Рита положила ее в корзину для грязного белья. Она сняла поношенный бюстгальтер и трусы, отметив мимоходом, что они тоже заношены и нужно будет зашить новую дырочку, которая появилась с левой стороны. Все это она тоже бросила в корзину. Она вдруг вспомнила, как покупала это нижнее белье, сколько за него заплатила (сто двадцать три рубля за бюстгальтер и пятьдесят восемь – за трусы), вспомнила дату, когда это произошло, и лицо продавщицы.

Рита удивилась тому, что все это помнит. Внезапно у нее заболела голова. Боль сперва запульсировала в районе темени, а потом вдруг распространилась на всю голову – словно к затылку, лбу и вискам протянули от темени оголенные провода и пустили по ним ток.

Рита подняла руки и, скривившись от боли, сжала виски пальцами. Прошло, наверное, минуты две, прежде чем боль стала отпускать. Наконец боль ушла, оставив после себя странную тяжесть где-то внутри головы.

«Это все из-за той машины, – сказала себе Рита. – Я здорово ударилась головой. Просто чудо, что вообще осталась жива».

Рита убрала руки от головы и посмотрела на свое отражение в зеркале. Почему-то лицо,глянувшее на нее из зеркала, показалось ей чужим. Эти тусклые, запавшие глаза, эти фиолетовые тени под нижними веками, эти бледные щеки, такие же бледные губы, эти блеклые волосы, упавшие на бледный лоб... Неужели в зеркале она, Рита Суханкина? Да и что значит это имя – *Рита Суханкина*? Как этот невыразительный набор звуков может относиться к ней, к ее мыслям, чувствам, переживаниям?

Ответа не было. Рита вздохнула и включила воду.

... Через двадцать минут, завернувшись в полотенце и выйдя из ванной, Рита прошла в гостиную. Нина сидела на диване с чашкой чая в руке и смотрела телевизор. Взглянув на Риту, она спросила:

- Ты как?
- Нормально, – ответила Рита.
- Я купила готовые котлеты. Нужно только разогреть их в микроволновке...
- Я не голодная, – сказала Рита.

На экране телевизора брюнет в синем смокинге и со слащавым лицом говорил что-то пожилой женщине, которая нервно ерзала на стуле и то и дело поправляла пальцем очки в дешевой пластиковой оправе.

- Что смотришь? – спросила Рита.
- Телевикторина, – ответила Нина.
- Я присяду?
- Конечно.

Рита села на диван.

– Следующий вопрос может принести вам сто тысяч рублей! – вещал с экрана телевизора слащавый ведущий. – Если, конечно, вы правильно на него ответите. Итак, вопрос! ...Какой народ придумал танец «Чардаш»? И, как обычно, у нас четыре варианта ответа. Ответ А: венгры. Ответ В: румыны. Ответ С: чехи. Ответ D: молдаване.

Заиграла тревожная музыка. Женщина в очках трагически наморщила лоб, пытаясь вспомнить.

- Венгры, – тихим и каким-то механическим голосом проговорила Рита.
- Я выбираю ответ... венгры, – не слишком уверенно проговорила женщина на экране.
- Что ж, а теперь послушаем правильный ответ. – Телеведущий выдержал паузу, а затем громко и весело проговорил: – И правильным ответом будет... венгры!

Бравурный перелив музыки водопадом обрушился на студию. Зрители зааплодировали. Нина покосилась на Риту.

- Ты угадала, – с улыбкой сказала она.
- Случайно, – тем же механическим голосом пробормотала Рита.
- Следующий вопрос – на двести тысяч рублей! – объявил телеведущий. – А теперь сам вопрос. Разновидностью какого минерала является горный хрусталь? А: апатита. В: циркона. С: кварца. D: турмалина. Итак, какой ответ вы выберете?

Телестудия погрузилась в тишину, нарушаемую лишь громким тиканьем часов.

- Кварц, – сказала Рита негромко.

Нина улыбнулась и недоверчиво покачала головой.

- Я выбираю... кварц, – испуганно и неуверенно пробормотала женщина на экране телевизора.

Лощеный телеведущий загадочно улыбнулся. Оркестр рассыпался в тревожной, дробной мелодии.

- И правильным ответом будет... – Лицо ведущего стало еще загадочнее, музыка стала еще тревожнее. – ...Кварц! – громко объявил телеведущий. – И вы выигрываете двести тысяч рублей!

Тревожная музыка сменилась переливчато-торжествующей.

- Ты снова угадала! – сказала Нина, удивленно глядя на Риту.
- Да, – сказала та ровным голосом, подняла руки и помассировала пальцами виски.
- Откуда ты это знала – про кварц? – спросила Нина.
- Не знаю. – Рита убрала руки от висков и вздохнула. – Кажется, в школе проходили. В девятом классе, на химии.

– А у нас на кону – четыреста тысяч рублей, и следующий вопрос! – объявил телеведущий. – Вы готовы? – спросил он у багровой от волнения женщины.

– Да, – сказала та, поправив дрожащим пальцем очки.

– И я задаю следующий вопрос! – изрек с довольной улыбкой телеведущий. – А вопрос такой. Кто открыл тайну трех карт графине из знаменитой повести Пушкина «Пиковая дама»? А: Казанова. В: Калиостро. С: Сен-Жермен. Д: Томас Воган.

– Я пойду спать, – сказала Рита, поднимаясь с дивана. – Спокойной ночи, Нина.

– И тебе.

Рита пошла к выходу из комнаты.

– Рит? – окликнула ее Нина.

Она остановилась и обернулась.

– Кто открыл графине тайну трех карт? – спросила Нина с улыбкой.

– Кажется... Калиостро, – негромко ответила Рита и поморщилась от нового приступа головной боли.

Затем отвернулась и вышла из комнаты. Нина перевела взгляд на экран телевизора. Женщина в очках облизнула пересохшие от волнения губы и сказала:

– Я выбираю ответ... цэ.

– То есть вы считаете, что тайну трех карт старухе-графине открыл Сен-Жермен? – лукаво прищурился на нее телеведущий.

Женщина растерянно моргнула.

– Ну... да.

– Ваш ответ принят! – объявил телеведущий. – А теперь – правильный ответ. Секрет магических карт открыл графине... Открыл графине... Знаменитый граф Калиостро!

Оркестр грянул трубную «мелодию лузеров».

– И вы *не* выигрываете четыреста тысяч рублей! – объявил телеведущий, саркастически глядя на женщину в очках.

Нина покосилась на выход из комнаты, где еще несколько секунд назад стояла Рита, усмехнулась и тихо пробормотала:

– Надо же! «В школе учили». И как она это помнит?

Поцеловав спящих детей, Рита легла на раскладушку и, едва коснувшись головой подушки, тут же уснула.

Ей приснилось, будто она идет по пустынной вечерней улице, заполненной сизым, похожим на смог, туманом. Серые дома, похожие на гигантские черепа, нависли над улицей слева и справа, и их черные окна кажутся огромными глазами, внутри которых только тьма и пустота.

Рита шла по улице медленно, то и дело останавливаясь и напряженно вглядываясь в туман, чувствуя, что в нем, в этом странном тумане, кто-то прячется. Кто-то – или что-то.

Она прошла еще несколько шагов, туман слегка рассеялся, и Рита увидела невысокий темный силуэт.

– Сынок! – окликнула она.

Силуэт стал медленно удаляться. Рита тронулась с места и быстро пошла за ним.

– Сынок, подожди меня! – взволнованно окликнула она.

Но он не остановился, а продолжил удаляться, а туман стал снова сгущаться, и удаляющийся силуэт – уже зыбкий, неверный – стал теряться в этом тумане. Рита бросилась за ним, побежала бегом, но силуэт продолжал удаляться, и туман почти совсем поглотил его.

Она хотела проснуться, но не смогла, сны навалились на нее рыхлой, разноцветной, давящей массой. Ей снились поля, леса, реки, города, улицы – все места, где она хоть раз в своей жизни была. Ей снились лица людей, всех, с кем она виделась хоть раз в жизни. Ей снились картинки из учебников истории и литературы, которые она пролистывала в детстве, снились

формулы из учебников по физике, химии, алгебре и геометрии... Снились запахи, цвета, ощущения... Снилось то, что не снилось никогда и никогда не должно было присниться... И все эти картинки наплывали на нее одна за другой, сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее, пока не стали мелькать перед глазами, как страницы перелистываемой книги.

Из этого мелькания то и дело выскакивали белые точки и молниеносно распускаясь, как экраны-цветы, и на этих экранах снова были лица, предметы, фильмы, а затем они складывались и опять падали в бездну перелистываемых страниц. А потом все эти страницы, весь этот ураган образов и ощущений ринулся прямо на нее, пронзил ей глаза, взорвал ей голову...

Нина проснулась среди ночи от тихих, сдавленных звуков, доносившихся из санузла. Она откинула одеяло, быстро поднялась с кровати и, не надевая халата, прошла к туалету. Она узнала голос Риты и поняла, что той очень плохо.

Нина легонько постучалась в дверь.

– Рита, с тобой все в порядке? – тихо окликнула она.

Рита не ответила. Нина повернула круглую медную ручку, приоткрыла дверь и заглянула в санузел. Рита сидела на полу перед унитазом. Ее только что вырвало. Волосы ее были растрепаны, несколько прядей прилипли к потному лбу.

– Рита, тебе плохо?

– Затошнило... – сипло произнесла Рита. – И еще... голова. – Она сжала виски ладонями и тихо прохрипела: – Как будто сейчас лопнет.

– Я вызываю «Скорую», – сказала Нина.

– Нет! – воскликнула Рита, убрала ладони с висков и посмотрела на Нину. – Прошу, не надо.

Нина посмотрела на глаза Риты и слегка попятилась. Белки глаз были темно-красными, почти черными...

– У тебя... что-то с глазами. Кажется, лопнули сосуды.

– Ни... чего, – с трудом проговорила Рита. – Мне уже лучше.

– Я принесу компресс со льдом.

Нина быстро вышла из ванной, но скоро вернулась с компрессом, протянула его Рите. Та взяла, прижала к голове.

– И все-таки надо вызвать «Скорую», – заметила, нахмурившись, Нина.

– Мне уже лучше, – сказала Рита.

Она сдвинула компресс на темя и посмотрела на Нину. Глаза Риты уже не были такими страшными, отечность спала.

– Мне просто нужно выспаться, – сказала Рита.

Нина вздохнула и примирительно произнесла:

– Ладно. Но если утром ты все еще будешь чувствовать себя плохо, я вызову врача. Пойдем, помогу тебе дойти до кровати.

Нина проводила Риту в комнату, помогла ей лечь, положила компресс на голову и накрыла одеялом.

– Если что-то будет нужно – зови, – сказала Нина.

– Хорошо, – слабым голосом отозвалась Рита. – Спокойной... ночи.

Дыхание ее стало выравниваться. Через минуту Нина поняла, что ее гостя спит.

13

Когда Рита вошла на кухню, Нина стояла возле стола с чайником в руке.
– Привет, Нин, – сказала Рита.
– О, привет! – Нина, вскинув светловолосую голову, пристально посмотрела на Риту. – Я как раз заварила свежий чай, тебе налить?
– Да, – сказала Рита. И улыбнулась: – Спасибо.
Выглядела она довольно бодро, хотя под глазами у нее все еще темнели круги.
– В микроволновке горячие бутерброды. Зови детей, давайте позавтракаем.
– Хорошо. Лиза, Леша! – позвала Рита. – Умывайтесь и идемте завтракать!
Рита села за стол.
– Как ты себя чувствуешь? – спросила Нина.
– Хорошо. – Она перехватила недоверчивый взгляд хозяйки квартиры и улыбнулась. – Правда хорошо. Голова уже не болит, тошноты нет. Я в норме.
На кухню вошли Лиза и Лешка, оба с заспанными личиками, оба взъерошенные.
– Ма, а можно я не буду умываться? – угрюмо проговорил Лешка.
– И я тоже, – сказала Лиза. – Мам, я тоже не хочу умываться.
– Вот еще – что придумали, – сдвинула брови Рита. – Марш в ванную. Оба. Быстро!
Дети, недовольно засопев, ушли.
– А ты и правда выглядишь неплохо, – сказала Нина, продолжая разглядывать Риту. – Только ссадина на лбу, но с ней мы разберемся.
Рита подняла руку и осторожно потрогала лоб.
– Может, пластырем? – спросила она.
– Ерунда, – сказала Нина, ставя на стол еще три чашки. – Попробуем тональным кремом и пудрой. Должно получиться.
Позавтракали спокойно, почти без разговоров. Нина боялась тревожить Риту вопросами, а Рита все время о чем-то думала, и вид у нее был немного отрешенный. Леша и Лиза, посапывая, пили чай и жевали бутерброды, приготовленные Ниной. Наконец Рита поставила опустевшую чашку на стол и сказала:
– Мне пора. – И добавила с невеселой улыбкой: – Мой ад ждет меня. Бесенок уже смазал сковородку маслом.
– Не будь пессимисткой, – сказала ей Нина. – Если работа не нравится, найдешь другую. Тебе сейчас главное зацепиться, а там уже сама будешь думать.
Рита вздохнула:
– Думать – это не про меня. Мой муж всегда говорил, что я тупая.
– Он ошибался, – заверила ее Нина. – А мужчина, который позволяет себе говорить такое про жену, – сам дурак. Запомни это и никогда не позволяй мужикам себя оскорблять.

* * *

По дороге к остановке Рита остановилась возле развала с книгами и журналами. Сама не зная зачем, просто вдруг стало любопытно, потянуло посмотреть. Она взяла с развала книгу с таинственным названием «Теория и практика бинарных опционов». Открыла книжку наугад и прочитала:

«Фундаментальное отличие бинарных опционов от других произвольных финансовых инструментов – это низкий начальный капитал, с которым можно открыть торговлю. Большинство брокеров предусматривают минимальный депозит в размере всего \$100. Как и в любом другом виде высокорисковых инвестиций, 95 % торгующих бинарными опционами

трейдеров теряют все свои деньги. За их счет существуют брокеры, а также те 5 %, которые сумели добиться успеха в этом виде торговли...»

Рита обдумала прочитанное. Звучало все это так, будто описывалась какая-то карточная игра, в которой все простаки и неудачники проигрывали, а победителем становился самый хитрый и везучий.

Рита положила книгу обратно на прилавок. Сдвинув брови и шевеля губами, она принялась читать названия книг, которые звучали для нее, как таинственный, непонятный код. Код от жизни, в которую ей никогда не было входа и вряд ли когда-нибудь будет; в которой правили законы, недоступные ее пониманию, и которой правили люди, которые всегда казались ей не вполне людьми, а то ли инопланетянами, то ли божевами.

«Теория общественного хозяйствования», «Методы микроэкономического анализа», «Новая концепция брендинга», «Паблик рилейшинз для менеджера», «Проблемы трудового права в России», «Дауншифтинг без экстрима», «Монетизация активов»...

У Риты дух захватило от всех этих названий, она снова и снова повторяла их про себя и постепенно поймала себя на том, что они звучат, как загадочная музыка, которую она никогда не понимала, но которая сейчас, в этот самый момент, вдруг показалась ей волнительно-интересной, почти захватывающей.

Рита, не вполне понимая, что делает, достала из потерятой сумки кошелек. Здесь была половина тех денег, которые дала ей займы Нина. (Другую половину она разделила на две части, одна лежала в квартире, под половиком, а другую Рита зашила в свой лифчик.)

– Я хочу купить пару книжек, – сказала она продавцу.

– Пожалуйста. Вам какие?

Рита вынула из кошелька тысячную купюру и, отчетливо сознавая, что совершает глупость (но не в силах противиться острому желанию), протянула деньги продавцу.

– А на какие хватит? – спросила она.

Продавец посмотрел на деньги, потом на Риту. На лице его отобразилось легкое удивление.

– Вам по экономике? – уточнил он.

– Да, – сказала Рита, хотя не была уверена. – Давайте по экономике.

– Ну... тогда вот эта, эта и вот эта. Первые две – по четыреста рублей, а вот эта – двести.

– Давайте, – нетерпеливо сказала Рита.

Продавец взял купюру и положил перед ней книги стопкой.

– Пакет нужен? – поинтересовался он.

– Нет.

Она взяла книги в руки, огляделась и, увидев неподалеку скамейку, быстро зашагала к ней.

Логистика, венчур, маржа, годовой отчет...

Сидя на скамейке, Рита поспешно (словно изголодавшийся человек, которому бросили кусок хлеба, и к которому уже приближаются, рыча и угрюмо сверкая глазами, тощие бродячие собаки) глотала незнакомые прежде слова, смутно припоминая, что некоторые из них она уже слышала – из телевизора, из радио, из уст больших людей, которые проходили мимо, не замечая ее, держа возле уха смартфон, по дороге от офиса к машине (всегда почему-то черной, большой и страшной).

Лизинг, консалтинг, капитал, трейд-маркетинговые акции...

Они читала все это быстро, почти по диагонали, перелистывая страницы на полсекунды раньше, чем успевала дочитать последние слова, домысливая их, стремительно продвигаясь дальше и с удивлением понимая, что все это не так сложно, как она себе представляла, и даже наоборот – за набором диковинных терминов и понятий скрывалась простая, в общем, схема

человеческих отношений, в которых главным достоинством считалось умение заработать на слабостях другого, а то и вообще – подтолкнуть падающего, чтобы устоять самому.

Но все это было красиво, во всем этот был порядок; мир, описываемый в этих умных книгах, был строен, ловко, совершенно безболезненно втиснут в рамки принятых правил и четко структурирован. Поняв это, в нем можно было легко ориентироваться, и Рита почувствовала, как в душе у нее нарастает восторг. Наконец-то все стало ясно. Наконец-то жизнь обрела смысл. Наконец-то мир, казавшийся раньше сложным, непонятным, страшным, темным, был разгадан, разложен по схемам, а потом собран заново и воспроизведен на страницах этих книг!

В какой-то момент, оторвавшись от чтения, Рита посмотрела на круглые часы, висящие на столбе. Удивленно вскинула брови, а потом испуганно выдохнула. Прошло почти три с половиной часа с тех пор, как она села на скамейку и стала листать книжки.

Рита поспешно сунула книги в свою потертую сумку из грубого кожзама, вскочила со скамейки и бросилась к автобусной остановке.

14

– Ты опоздала, – изрекла Лида, мрачно глядя на Риту и жуя толстыми губами фильтр сигареты.

– Прости, – смущенно обронила Рита, стоя перед толстухой с виноватым видом. – У меня... сынок приболел. А твой телефон я не записала. Поэтому позвонить не смогла.

Врать про заболевшего сына было неприятно, но ничего лучше Рита на ходу придумать не смогла. Некоторое время Лида изучающее разглядывала ее, затем вздохнула и сказала:

– Ладно. Кричать на тебя не буду, ответишь финансово.

– Финансово? – не поняла Рита.

– Штраф, – просто пояснила Лида, дымя сигаретой. – Тысяча рублей.

– Целая тысяча?! – тихо ахнула, ужаснувшись, Рита.

– Ты же прогуляла, – резонно сказала Лида. – Я вообще могла тебя уволить. Но скажи спасибо, что я добрая. А теперь бери ведро и швабру – и вперед. И чтобы туалеты блестели, ясно?

Натирая шваброй мраморный пол и стараясь не обращать внимания на входящих и выходящих мужчин, Рита едва сдерживала слезы. Ей вдруг показалось диким и противоестественным, что она – тридцатидвухлетняя молодая женщина – вынуждена размазывать по полу чужие мочу и плевки. И все это потому, что в свое время она не смогла получить образование. Как так вышло? Почему? А ведь выяснилось, что узнать что-то новое не так уж и сложно. Еще вчера она понятия не имела о том, как устроен мир, как работает экономика страны, ничего не знала о лизинге, трейдерах и марже. Все, что было нужно, это почитать пару книжек. А если она прочтет десять книжек? Или двадцать? Неужели и тогда она продолжит натирать шваброй зассанные полы и смотреть, как мужчины встряхивают свое хозяйство над писсуарами?

Рита остановилась. Эта мысль показалась ей настолько страшной и несправедливой, что ее даже затошнило.

– Да как так-то? – с досадой проговорила Рита и яростно брякнула швабру в ведро, так, что брызги полетели.

И в эту секунду дверь туалета открылась, и в туалет вошли двое мужчин, которых Рита видела вчера: молодой «лощенный» (Рита помнила, что его зовут Глеб), и угловатый, который выглядел постарше и у которого было насмешливое лицо (кажется, его звали Артем). Мужчины встали у писсуаров; Рита заметила, что «лощенный» сжимает под мышкой бордовую папку.

Рита поспешно перешла со своей шваброй в другой конец туалета и принялась драить пол, не поднимая глаз.

– В этой папке мое будущее, Артем, – услышала она голос лощеного. – Тебе-то хорошо, ты партнер и член семьи. А я должен выгрызть себе дорогу к успеху.

– Смотри, не сточи по пути зубы, – иронично проговорил угловатый. – А то чем будешь жевать свой кусок успеха, когда добудешь его?

– Смешно, – сказал лощеный. – Но все-таки мы в разном положении. Я пашу, как лошадь. А ты... ты просто игрок. Ты играешь, Артем.

– Я не играю, Глеб. Я жизнью живу.

– Мне бы такую жизнь! Кто представит аналитику и отчет Беклищеву? Ты или я?

– Мне плевать, – сказал угловатый.

– Тогда я.

– Валяй. – Угловатый направился к раковине, быстро сполоснул руки и вышел из туалета.

Лощеный покосился ему вслед и недовольно проговорил:

– Мажор хренов. – Потом вздохнул, посмотрел в писсуар и проворчал: – С утра до вечера на нервах. Кажется, простатит себе уже заработал на нервной почве.

Сделав, наконец, свое дело, лощеный застегнул штаны, повернулся и смачно сплюнул на пол. Перехватил взгляд Риты и грубо сказал:

– Че уставилась? Вытирай. – Отвернулся и проворчал, двинувшись к умывальникам. – Корова дебелия.

Вскоре ушел и он. Рита швырнула швабру в ведро и подошла к умывальнику. Она вдруг почувствовала себя грязной. Стоя возле раковины умывальника, она стянула с рук перчатки и швырнула их на полку из полированного гранита. Протянула было руки под кран, но на полпути остановилась. На полке лежала бордовая кожаная папка. Та самая, которую лощеный держал под мышкой, пока стоял у писсуара.

Рита взяла папку. Открыла, пробежала взглядом верхний листок – просто так, из любопытства. Потом снова пробежала... В голове сами собой всплыли замысловатые термины из книжек, которые она читала перед работой, сидя на скамейке. Рита вдруг поняла, что эти термины перестали быть для нее пустым звуком, никчемными виньеточными узорами, и что она вполне может применить их сейчас. Как если бы она увидела перед собой рисунок, но рисунок этот был незавершен, но она могла довести его до ума, закончить – нужно было только взять карандаш, и она увидела этот карандаш. Он торчал из специального кармашка папки.

Не задумываясь о том, что делает, Рита вынула карандаш (он был остро отточен, ну, прямо как игла) и принялась делать на листке бумаги пометки.

Она знала, что делает, поскольку в голове у нее вертелись фразы и предложения из прочитанных днем учебников, и ей доставляло огромное удовольствие применять свои недавно приобретенные знания на практике.

Посчитав, что больше править нечего, Рита быстро сунула карандаш в кармашек, захлопнула папку и бросила ее на тумбу. В тот момент, когда лощеный богач вошел в туалет, она прилежно терла шваброй пол, не поднимая головы, как это и положено бесполым рабам, обслуживающим своих титулованных господ, этих беспечных, безжалостных и ветреных детей дневного света.

Лощеный увидел папку.

– Вот она где, – проворчал он.

Небрежно подхватил ее, сунул под мышку и покинул туалет, даже не посмотрев в сторону Риты. Она перестала тереть пол и облегченно перевела дух, чувствуя себя чернашкой, без разрешения сунувшейся в господские покои, которую полагалось высечь за наглость батогам на псарне. Но, кажется, «белый господин» ничего не заметил, а значит, экзекуции не последует. И то хорошо.

Закончив уборку, Рита отправилась в подсобку, чтобы немного передохнуть. Она села на стул и прикрыла глаза. Вспомнила листок с карандашными правками, перед глазами у нее замелькали цифры и термины, и вдруг ее настиг приступ головной боли – такой же сильный, как ночью. Рита схватилась руками за голову, сжала ладонями виски, стараясь удержать взрывающийся череп на месте. Боль была невыносимой. Должно быть, это из-за вчерашней аварии. Нина была права, надо было обратиться к врачу. Боже, как больно!

– Что с тобой? – услышала она удивленный голос Лиды.

Перед глазами все плыло от боли.

– Я... У меня... – Рита тихо и хрипло застонала. – У меня... голова раскалывается...

– Мигрень? Дать тебе таблетку?

– Нет, это... А-а... – простонала Рита от нового приступа боли. – Кажется... я помню все, – хрипло прошептала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.